

ЮНГОВ ОСТРОВ

Настоящее издание
отпечатано в количестве
1500 экземпляров

Н. К. Таврушин

ЮНГОВ ОСТРОВ

Религиозно-исторический

этюд

МОСКВА
2001

ВЕРСАЛЬ И САВИНСКОЕ: СЕН-МАРТЕН И КНЯЗЬ РЕПНИН

Версалия (Versailles) именуется французского царя едем, сиречь рай, или сладостный сад, неизреченных светских утех исполнен.

Григорий Сковорода

Ясным солнечным полднем 14 октября 19** года через северные ворота Версальского парка со стороны улицы Водоемов прошел одинокий посетитель средних лет, в слегка помятом темно-сером костюме, бордовой рубашке со скучным галстуком и с черным зонтом-тростью в руке. Едва взглянув издали на королевский дворец, он непонятными постороннему взгляду петлеобразными маневрами стал продвигаться в сторону Малого Трианона, время от времени задерживаясь на закрытых высоким, ровно подстриженным кустарником цветниках и что-то бормоча себе под нос.

Судя по отдельным словам, которые могли долететь до внимательного слуха случайного прохожего, это был *русский путешественник*, и погружение в пространство парка одушевлялось в нем не поисками "светских утех" и времени, утраченного за чтением Пруста, а размышлениями о Боссюэ и Фенелоне, о Сен-Мартене и русских маринистах. —

А ведь в самом деле, возможно, что на одной из скамеек Версальского парка мадам Ментенон читала адресованные ей письма Камбрейского архиепископа и "Толкование Песни Песней" Гюйон, внимала указаниям "Краткого и простого пути к сотворению молитвы" и делилась своими замечаниями с Людовиком XIV...

— Il n'est pas encore assez avancé dans la piété pour goûter cette perfection. — Он еще недостаточно преуспевает в благочестии, чтобы оценить это совершенство, — заключила она в письме к графине де Сен-Жеран 12 мая 1694 г.¹

Однако три с половиной года спустя, 10 декабря 1697, здесь же в Версале, мадам Ментенон доверительно сообщит все той же подруге:

LETTRES
DE
MADAME
DE
MAINTENON.
TOME I.

A NANCY,
Chez DEILLEAU, Imprimeur
du Roi.

M DCC LII.

¹ *Maintenon Fr. de. Lettres. T. II. Nancy. 1752, p. 45.*

"...Вкус к удовольствиям угас в сердце короля; возраст и набожность побудили его к серьезным размышлениям о тщете и ничтожности всего, что он любил прежде, и он продвигается день ото дня на путях Божиих" ...¹ Не было ли в этих успехах хозяина Версаля частицы заслуги Фенелона и пребывавшей в то время в Бастилии мадам Гюйон?

В конце 1770-х годов в Версальском парке появится и *Неизвестный Философ*, талантливый религиозный метафизик, с особыми, ему одному понятными надеждами вглядывавшийся в далекую Россию. Знал ли он тогда, что по его имени — *мартинистами* — будут вскоре называть московских *братьев Злато-Розового Креста*? Версальские же "вольные камешки" вызвали у него величайшее разочарование...

Бог весть, о ком еще вспоминал и над чем размышлял в королевском саду русский путешественник, заносивший в свой путевой блокнотик какие-то заметки "о пиетизме и квиетизме"¹.. Нам еще удастся заглянуть в них через его плечо... Но прежде — несколько штрихов к портрету нашего незнакомца.

Слегка сутуловатый, с нерукотворной тонзурой на макушке, он производил впечатление человека сосредоточенного на какой-то важной идее, однако на самом деле и на минуту не мог удержать внимание на одном предмете; он был не чужд философских медитаций и поэтических грез, которые, правда, почти всегда бесследно сторали в его беспокойной голове.

Вслед за романтиками и в духе русской традиции наш незнакомец понимал философию как единство умозрения и бытия, но — не без чувства самоудовлетворенности — вносил важные уточнения: мало-де сказать, что она есть *modus vivendi* и *ars moriendi*, образ жизни и искусство умирания; ее необходимо понимать, во-первых, как *модус остранныго бытия*, бытия

¹ Ibid., p. 73.

страннического и eo ipso странного; во-вторых, как остраненное созерцание бытия и, в-третьих, как рефлексию о том и другом, созерцание созерцания, если угодно, феноменологию... духа.

В годы юности он любил уединяться со знаменитым гегелевым опусом в заброшенном парке близ Старокалужской дороги, мысленно переноситься в соседнюю усадьбу князей Трубецких и вздыхать о судьбе дворянских гнезд...

Подобно многим метафизикам, высокомерно третирующим "эмпирическую случайность", он был не слишком сведущ в истории и наивно полагал, что от названия имени можно сделать необходимое заключение о его владельце, а потому в свое время не мог и подумать, что изо дня в день прогуливается по аллеям, на которых когда-то князь Н. В. Репнин и гостивший у него сенатор И. В. Лопухин говорили о Фенелоне и Сен-Мартене. И теперь, по дороге в Версаль, он смотрел на набережной Сены еще невидящим взором в окно кабинета Владимира Янкевича — "ученика" Камбрейского архиепископа, а в Медоне безразлично прошел мимо дома Антуана Фэвра, виднейшего знатока мистической книжности XVIII века, много внимания уделившего заочной дружбе Лопухина и Эккартсгаузена.

С памятниками этому знаменитому германскому теософу, а также Фенелону, Беме, князю Н. В. Репнину и другим деятелям "внутренней Церкви" ему предстояло вскоре встретиться в своеобразном "пантеоне претиизма", который незадолго до нашествия Наполеона устроил в своем подмосковном имении Савинское И. В. Лопухин.

Путь русского путешественника из Версаля лежал именно туда. Но начался он намного раньше — в размышлениях о смысле жизни и неотмирном бытии, о Церкви, об исторических судьбах монашества и масонства. Другой дороги в Савинское нет, и за последние двести лет она изрядно позаросла.

Поведать о ней, конечно, стоило бы самому российскому пилигриму, но его писательских вдохновений хватает обычно только на ему одному понятные афоризмы. А потому, пользуясь его давним, хотя и непостоянным расположением, я познакомился с его заметками, а за стаканом доброго рейнвейна мне удалось вытянуть из него кое-какие рассказы, из коих и сложилось нижеследующее повествование.

МОНАШЕСТВО, МАСОНСТВО И ПИЕТИЗМ

*Pendant le peu de séjour que
j'ai fait dans cette ville de Versailles,
j'y ai connu M.M. Roger, Boisroger,
Mallet... Mais la plupart de ces
hommes avaient été initiés par les formes.*

Saint-Martin¹

Зажженные свечи, Распятие, образы смерти... Символический обряд *умирания* для мирской, "профанской" жизни — и возрождения к новой, во всецелом посвящении себя Богу, Великому Архитектору Вселенной, предании себя в руки Его — через послушание наставнику, духовнику, в соработничестве Ему и собеседовании с Ним...

Иноческое *подвижничество* и масонская *работа* имеют удивительно много общего в своих исходных порывах и завершающем их внешнем выражении. Все начинается с "ухода", "отречения от мира", от "ветхого человека" и заканчивается — достаточно часто — "волей к власти" и феодальным привилегиям, господством в мире и растворением в нем...

По сравнению с христианским монашеством, масонство — явление гораздо более позднее, в значительной мере подражательное, о чем бесспорно свидетельствует эклектизм его барочных ритуалов. Но оно в то же время — реакция на распад церковной общины и попытка построить новую, "дополнив" церковное предание. Возникшее первоначально в аристократической, "рыцарской" среде, в которой сознание избранничества, элитарности поддерживалось чувством причастности к высшему сословию и к тайным гностическим апокрифам и метафизике, оно достаточно быстро возвращало в неопитах, пользуясь выражением Лессинга, сознание *воспитателей человечества*.

Аналогичная эволюция в монашеской среде протекала медленнее, сложнее и загадочнее, но в том же направлении: сознание элитарности, причастности к "лицу ангельскому", стал укреплять обряд иноческого пострижения (в последние годы особенно помпезный: с друзьями, родственниками, фотовспышками и видеокамерами) и платоническая метафизика с идеей андрогинизма и бесплотности первого человека до его грехопадения; уже в ареопагитиках (V в.) монашество отнесено к числу *шести* церковных таинств...

Изначальные же импульсы к монашеской жизни были совершенно чужды и метафизических умствований, и элитарно-иерархического сознания. Монашество и иерархия ранним пустынножителем казались совершенно несовместимыми. Об этом красноречиво повествует ряд рассказов "Древнего Патерика".

¹ В течение моего недолгого пребывания в этом городе Версале, я познакомился там с гг. Роже, Буароже, Малле... Но большинство этих людей были посвящены только формально. *Сен-Мартен (фр.)*.

Авва Феодор, уже будучи в скиту диаконом, всячески уклонялся от литургического служения. Приведенный к братии, увещевавшей его не оставлять ораря, он стал молить Бога о помощи и вразумлении. "И явился ему огненный столп от земли до неба, и был глас: если можешь быть как столп сей, то поди — служи". Услышав это, авва Феодор рассудил за благо никогда не брать на себя диаконского служения¹.

Авву Макария, в бытность его в Египте, против воли сделали клириком — и тогда он убежал в другое место, спасаясь от обязанностей и чести иерархического сана².

Авву Матоя и его брата один епископ понудил принять пресвитерство. Но оба они не совершили в жизни ни одной Евхаристии. Авва Матой объяснял это так: "верую в Бога, что я не подвергнусь великому осуждению за то, что по рукоположении ни однажды не совершил литургии, ибо рукоположение должны принимать люди беспорочные"³.

Тем не менее, на Востоке постепенно укрепилась традиция ставить на епископское служение *только монахов*. На Западе она не столь последовательна, но зато усилена обязательным безбрачием всех вообще клириков.

Есть ли однако уверенность, что все избранники искренне отказывались от мирских забот и принимали подвиг воздержания, а не использовали в корыстных целях чисто внешнее, "формальное посвящение"?

Уже преподобному Иоанну Кассиану Римлянину, ученику св. Иоанна Златоуста, была известна особая категория монахов, которых именовали *сарабитами*. Они "желали лучше принять личину евангельского совершенства, нежели поистине приобрести его", предпочитали "считаться монахами только по имени, без всякого усердия к подвигам", отвергались мира "только напоказ, по человекоугодию... никак не подчиняясь евангельским заповедям"⁴.

Для таких монахов возможность занять место в иерархии была, конечно, непреодолимым соблазном. То же самое происходило и на Западе, где обет безбрачия открывал путь к выгодным церковным должностям.

Противостоять вторжению подобных мнимо-духовных лиц, *посвященных только формально*, могла бы живая церковная община, поддерживающая сознание неразделимой связи и взаимозависимости пастырей и пасомых.

Но клир достаточно настойчиво и последовательно создавал собственную общину, "орден церковного управления", независимый и от светской власти, и от простых верующих. И вполне понятно, что "сарабитам" нередко удавалось занять в нем влиятельные позиции.

Противопоставление *клира* и *мирян* (или *лаиков*), превращение церковной иерархии в самодовлеющую, фактически совершенно независимую от общины структуру, преследующую собственные, вполне посторонние интересы, называется *клерикализмом*. Западное христианство переносило эту болезнь в крайне тяжелой форме. Кульминация ее приходится на эпоху Реформации. Лютеранские богословы решительно разгромили все попытки духовного сословия приватизировать благодать, построить представления о спасении души по принципам товарно-денежных отношений. Римские сарабиты потерпели жестокое поражение.

Одним из следствий Реформации явилось новое религиозно-общественное движение — *пиетизм*.

Когда-то, на заре возникновения монашества, всецело устремленные к богообщению миряне уходили из городов и весей в пустыню. Теперь уходить было уже некуда. Пустыню надо было найти внутри себя. Конечно, истинным подвижникам духовной брани уже давно было известно, что спасает не "место", а "нрав", обретение в своей душе "места духовного о

¹ Древний Патерик. М., 1899, с. 280.

² Там же, с. 281.

³ Там же, с. 283.

⁴ Иоанн Кассиан Римлянин, преп. Писания. М., 1892, с. 501.

Христе"¹. Но отныне эта внутренняя сосредоточенность и устремленность стала заметным социальным движением.

Психологически пиетизм означает стремление осуществлять подлинно монашескую требовательность ко всем сторонам жизни, сердечных помышлений и участия в общественном богослужении — за исключением, разумеется, безбрачия (хотя некоторые пиетисты не чужды были тяготения к девству).

Пиетизм не имел ни особого догматического учения, ни строгих конфессиональных контуров. Возникнув в протестантской среде, он особенно ярко проявился в кальвинизме, в

английском пуританизме, затронул отдельные католические общины и на рубеже XVIII-XIX вв. заметно сказался на русском православии синодального извода.

Масонство (разумеется, конечно, спекулятивное, культивировавшее оккультно-мистические и метафизические интересы и гностические апокрифы, для которого операциональное, строительные средневековые цеха, послужило лишь неким организационным образцом) возникает в атмосфере пиетизма, в эпоху видимого крушения церковного предания (Лютер оставляет "только Писание") и резкого ослабления роли клира в религиозно-общественной жизни.

Детали ранней истории масонства будут еще долго предметом острых дискуссий. Один из первых ее исследователей, весьма основательно осведомленный Ф. Николаи (1733-1811) собрал по этой теме в конце XVIII в. библиотеку из 800 томов².

Проследивая свидетельства о существовании франк-масонства в XVII столетии, Николаи склоняется к точке зрения, что оно происходит из старого *розенкрейцера*, и по этой причине особое внимание уделяет деятельности Иоганна Валентина Андреэ (1586-1654), внука известного протестантского богослова Иакова Андреэ (1528-1590). Другие авторы охотно развивают легенду о том, что шотландские франкмасоны суть "переодетые" тамплиеры, или храмовники. Наконец, как уже говорилось, проследивается и преемственная связь между средневековыми операциональными и позднейшими спекулятивными ложами³.

¹ См. восходящее к византийской церковно-учительной традиции (в частности, к поучениям преп. Никиты Стифата) "Послание о житии, и еже место ли спасает, или нрав" московского митрополита Даниила. — Дружинин В. Г. Несколько неизвестных литературных памятников из сборника XVI века // Летопись занятий Археографической комиссии за 1908 г. СПб., 1909 (вып. 21), с. 87 и след.

² Möller H. Aufklärung in Preussen. Der Verleger, Publizist und Geschichtsschreiber Friedrich Nicolai. Berlin, 1974, S. 238.

³ Mazel E. Freemasonry and Esoterism // Modern Esoteric Spirituality. Ed. by A. Faivre and J. Needleman. N. Y., 1992, p. 248-257. Здесь мы, разумеется, не касаемся гипотез о связях масонства с более древними религиозно-мистическими движениями и традициями — катарями, суфийскими футува, друндами и т. д.

Как бы там ни было, в качестве социально заметного явления спекулятивное масонство возникает в послереформационной атмосфере пуританизма и пиетизма и в какой-то степени является носителем этой атмосферы, хотя во второй половине XVIII века отдельные ложи, преимущественно французские, явно отходят от христианской традиции и даже становятся враждебными ей.

К немецким розенкрейцерам и их русским собратьям эта тенденция не только не имеет отношения, но напротив, вызывает у них охранительную озабоченность. Русских розенкрейцеров в начале XIX в. нередко прямо именовали *пиетистами*, и смысл в это понятие вкладывали один — всецелой, всепоглощающей религиозности.

Хорошо известно, что московский святитель Платон, по повелению императрицы Екатерины II испытывавший "в догматах православной нашей Греко-Российской церкви" Николая Ивановича Новикова, пришел к выводу твердому и положительному, о котором в донесении государыне в январе 1786 г. сообщил следующими словами:

"Как перед престолом Божиим, так и пред престолом твоим, всемилостивейшая Государыня Императрица, я одоляюсь по совести и сану моему донести тебе, что молю всещедрого Бога, чтобы не только в словесной пастве, Богом и тобою, всемилостивейшая Государыня, мне вверенной, но и во всем мире были христиане таковые, как Новиков"¹.

По поводу этого отзыва, правда, протоиерей Г. Флоровский вскользь заметил, что "мерило у Московского митрополита не было очень твердым..."² — Да только у кого же, в каком письменном столе или в кармане какой рясы находилось в ту пору эталонное "мерило православия"? Сам же почтенный русский богослов весьма сочувственно отзываясь о веянии "того воцерковленного пиетизма, типическим выразителем которого был митр. Платон (Левшин)"³. Стало быть, "мерило православия" было у святителя нетвердым, а "воцерковленный пиетизм" — образцовым...

Как это нередко случается у о. Георгия именно в отношении наиболее дискуссионных и

¹ Лонгинов, с. 035.

² Флоровский, с. 122.

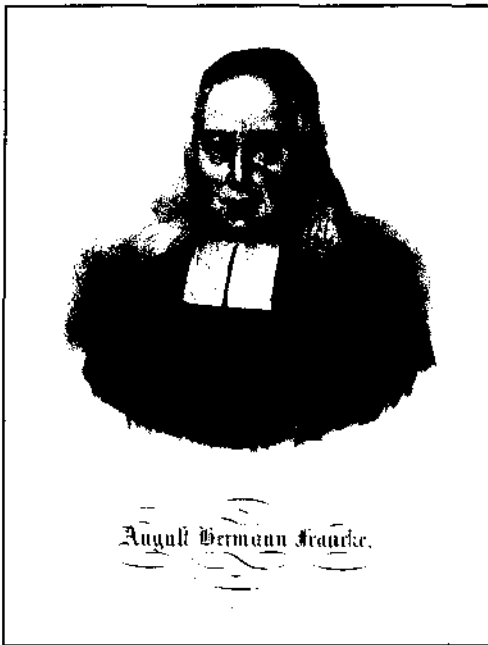
³ Флоровский, с. 166.

острых вопросов, он и здесь ни малейшим намеком не дает понять, каким путем, через какое чиновоследование или иное деяние происходило упомянутое "воцерковление пиетизма..." Ведь если пиетизм — не система догматов и не формальное сообщество, а только особый дух благочестия, религиозной сосредоточенности, то что будет для него критерием церковности? Внешне-обрядовое оформление, подчиненность "законной" иерархии?

Да уместно ли в самом деле говорить о воцерковлении духа? Это как раз одна из тех кардинальных эклисиологических проблем, от внятной постановки которых о. Флоровский постоянно ускользал.

Между тем, "воцерковленный пиетизм" был представлен не только митрополитом Платоном и другими иерархами, но и соратником Н. И. Новикова Иваном Лопухиным, состоявшим с московским святителем в близком личном знакомстве. Вполне справедливо будет сказать, что оба они составляли как бы два полюса этого пиетизма.

Для каждого из них церковность была не юридическим фактом и не особой "субстанцией", а делом о Христе. Но один, нисколько не отвергая значимости внешней стороны этого

делания, общественного богослужения, имел преимущественное попечение о "внутренней Церкви", т. е. о сердечном обращении и духовном подвижничестве; другой же, нисколько не сомневаясь в важности внутреннего делания, в силу своего архиерейского служения особо заботился о поддержании "наружного" богослужения, ревниво относясь к высказываниям, которые по видимости умаляли его достоинство.

Примеры схожей полярности можно указать и в западной пиетистской среде, хотя для нее очень характерны и такие деятели, как А. Г. Франке, сочетавшие сосредоточенную молитвенность и аскезу со строжайшей внешне-церковной дисциплиной. Однако в своих умозрительных интересах и настроениях эта среда была очень неоднородной. Здесь встречались и заметно экзальтированные апокалиптические ожидания, и

законническое преследование всяких светских развлечений, и доверчивое принятие откровений из загробного мира, и напряженные споры о проявлениях духовной жизни на планетах Солнечной системы и в межзвездном пространстве...

Еще более разнородным был состав различных тайных сообществ, отчасти затронутых атмосферой пиетизма. В деятельности масонов и розенкрейцеров нравственно-аскетические задачи не всегда были единственными или даже главными. Они могли дополняться или вытесняться занятиями метафизическими, созерцанием и испытанием природы, социальным служением или утопическим прожектерством.

Особенно показательным в этом отношении движение баварских иллюминатов, руководители которого в строжайшей тайне вынашивали революционные планы, а своим "ученикам" предоставляли заниматься теоретическими умозрениями.

Кто из "внешних", со стороны, мог быть уверен, что не так же обстоит дело и у русских

розенкрейцеров? Озабоченность властей деятельностью тайных сообществ была вполне оправданна. Но столь же понятна и обида И. В. Лопухина и его товарищей на подозрения в политической неблагонадежности и разные досужие обвинения.

"Одни, — писал он, — представляли нас совершенными святошами, другие уверяли, что у нас в системе заводить вольность, а это делалось около времени Французской Революции. Третьи, что мы привлекаем к себе народ, и в таком намерении щедро раздаем милостину. Иные рассказывали, что мы беседуем с духами, не веря притом существованию духов, и разные разглашали нелепости, которым столько ж неблагоприятно верить, сколько непохвально распускать их"¹.

Конечно, у розенкрейцеров было свое, гностически-окрашенное предание, которым они несомненно дорожили, и своя обрядность, от которой они не хотели отказываться. Но тем не менее *факт церковного служения русских мартинистов сомнению не подлежит*. В конце концов, издававшиеся ими религиозные писатели были ценимы и любимы святителем Тихоном Задонским, митрополитом Михаилом Десницким, святителем Филаретом Дроздовым и Ф. А. Голубинским.

Не всегда выбор мартинистов был безупречен и их "мерило православия" оставалось вне критики. Но ведь даже Филарет (вслед за Лютером!) "имел обыкновение" называть Священное Писание "единым чистым и достаточным источником учения веры"².

Поэтому старый, нелегкий вопрос: *Ubi Ecclesia?* Где Церковь? — не имеет отвлеченных решений и остается присно актуальным...

¹ Записки, с. 26-27.

² Флоровский, с. 177.

МАРТИНИСТЫ – ПРЕДКИ СЛАВЯНОФИЛОВ

*С какою горькою улыбкою я заметил, что родился
в тот самый год, когда умер С<ен>-М<артен>.*

Кн. В. Ф. Одоевский

*Новиков не распространил, а создал
у нас любовь к наукам и охоту к чтению.*

И. В. Киреевский

Трагический характер вопрос о Церкви приобрел на Руси во второй половине XVII века. Соборы 1656 и 1667 гг. проклинали старые русские формы благочестия: двуперстие, "сугубую аллилуйю" и проч. Эти анафематизмы свидетельствовали о глубоком помрачении религиозного сознания и привели к болезненному разрыву традиции.

Но главное, они не могли не вызвать мучительного вопроса: кто же все-таки остается в Церкви – проклинаящие или проклятые?

Суд истории показал: проклятия не удержались. Сначала в 1800 году при московском митрополите Платоне было введено так называемое *единоверие*, т. е. богослужение по дониконовским книгам и обычаям, но при подчинении "законной" иерархии, а затем, уже в XX веке, проклятия со старых обрядов были соборно "сняты"... Стало быть, и суть спора была не о формах благочестия, а о власти...

Соборные анафематствования середины XVII века знаменовали собой торжество имперского начала в церковно-общественной жизни. Это была заря катастрофической вестернизации – под греческими хоругвями. В облачении православных саккосов и омофоров на Русь наступала даже не римская, а ультраримская эkkлесиология. Никон и выше царя хотел стоять и до "непогрешимости" лишь чуть-чуть не дотягивал. Если и не все иерархи внутренне были согласны с его обрядово-литургической реформой¹, то имперско-универсалистский принцип был ими принят без обсуждения...

Как тут не вспомнить, что преподобный Сергей Радонежский, побуждаемый ко введению в своей обители общежительного устава патриархом Константинопольским Филофеем и московским митрополитом Алексием, не прежде принял окончательное решение, как собрав всю братию монастыря и предложив им высказать свое суждение...

Теперь же, т. е. со второй половины XVII века, церковную общину уже привычно считают звеном административно-командной системы, а не самоценным сосудом духа Христова, иконой Пятидесятницы.

Движениям маятника общественной жизни между "новгородской республикой" и

¹ Церковными историками она окончательно признана несостоятельной. См.: Успенский Н. Д. Церковный раскол XVII века как следствие коллизии двух богословий // Вестник русского Западно-европейского Патриаршего Экзархата. № 97-100. Париж. 1978, с. 99-135.

“восточной деспотией” был по сути дела положен конец. И это произошло всего лишь через несколько десятилетий после того, как народное ополчение Минина и Пожарского в условиях полного паралича центральной власти изгнало польских интервентов, а Земский Собор избрал нового царя...

Православию издавна ведомы формы и формулы богослужения в случае отсутствия пресвитера — “еще несть священника”. По ним в основном и продолжали жить остатки расколотого церковного корабля, беспоповские общины различных согласий. А “господствующая” Церковь, уподобившись деспотическому государству, очень скоро потеряла свою самостоятельность и сама стала одним из ведомств империи Петра Великого... Исчезновения из диптиха Патриарха Московского предстоятели Восточных Церквей не заметили и охотно признали в Священном Синоде “возлюбленного брата”...

Государство поглотило и общину, и Церковь. После этого вопросы о том, *ubi Ecclesia* и *где у нас гражданское общество*, приобретают исключительно риторический характер.

На Западе гражданское общество формировалось в острейших религиозных спорах и войнах. На Руси общественно-значимый спор по сути дела был только один, и не о сути веры, а о перстосложении и “сугубой аллилуйе”, и решен он был силой и в пользу силы. После этого споры уже потеряли смысл, ибо высочайше утвержденное “мерило православия” вручалось государственным чиновникам.

Трагизм этой ситуации в первую очередь и переживали славянофилы, которых по традиции принято у нас считать церковными философами и которым не отказывали в признании даже самые решительные их критики. Так, по словам Г. Г. Шпета, “славянофильские проблемы... — единственные оригинальные проблемы русской философии...”¹

Правда, во многом данные проблемы были те же, что и у немецких романтиков, широко разворачивавших критику рационализма, не чуждых “религиозного отречения”, а также мессианских идей. Справедливо будет сказать, что на общеевропейском фоне славянофилы несколько припозднились.

Но прежде славянофилов по тем же самым мыслительным лабиринтам прошли русские мартинисты.

На первый взгляд, все у них как раз западное: и именование, и формы организации, и круг чтения...

Однако вестернизация была общим процессом. В государственной Церкви “Греческого Закона” тоже утвердились иконы западного пошиба, партесное пение на итальянский манер, барочная храмовая архитектура. Постепенно усваивались католические литургические обычаи и понимание таинств, образование духовенства велось на латинском языке и по схоластическим учебникам. Традиционная древнерусская церковно-учительская книжность, икона, песнопения — все это осталось у “раскольников”.

Так что, значимо не само по себе западное происхождение того или иного явления, а принципы селекции и усвоения, наличие критического и творческого начал.

“Братства”, а тем паче “ложи” — явление для России достаточно экзотическое. Первые, правда, появлялись в Юго-Западной Руси во второй половине XVI века с целью защиты православия от латинской пропаганды, но “ложи” как многозначный термин западных зодчих для нас были в новинку. Тем не менее, в условиях окончательного распада церковной общины эта форма объединения религиозной интеллигенции отвечала интересам становления национального самосознания.

¹ Шпет Г. <Г.> Очерк развития русской философии. Пг., 1922, с. 37.

"Между Мартинистами, — писал А. И. Герцен в своем предисловии к первому изданию "Записок" Лопухина, — была человеческая связь, опора, круговая порука, обмен сил, и как бы они мистически ни понимали и какими бы иероглифами ни заменяли ее, они стояли гораздо выше шаткой и бесцельной толпы образованных русских"¹.

Русские масоны не только довольно быстро добились независимости от своих западных собратьев, но и старались все более дистанцироваться от них, полагая, что политические симпатии европейских лож противоречат интересам России. В частности, политическое кредо И. В. Лопухина намного опередило идеологию славянофилов:

"...Главное искусство Российской политики, — писал он, — должно состоять в том, чтоб сколько можно не только меньше зависеть от Европы, но и меньше связей с нею иметь, как политическими сношениями, так и нравственными. Под именем последних разумею и обычаи, коих заразительная гнилость сдает древнее здравие души и тел Российских"².

По воспоминаниям Ф. П. Лубяновского, когда он отправлялся за границу, Репнин и Лопухин взяли с него "клятвенное слово не вступать в масонские ложи и ни в какие тайные общества"³.

Взгляды Лопухина и его ближайших друзей распространял журнал "Друг юношества", издававшийся М. И. Невзоровым. Братьям Киреевским было еще по пять лет, когда Невзоров напечатал здесь статью о западной философии и университетском образовании, так сказать, "о характере просвещения Европы"...

"Французская философия, — писал он, — распространила ветви свои по всей Европе, и в Германии особливо пустила глубокий корень своего

яда, так что ныне и на словах от многих немцев, и из книг, в Германии печатаемых, кроме мудрования ума ничего не услышишь"⁴.

И далее в своей статье Невзоров ведет беспощадную критику всей системы преподавания в германских университетах: она, дескать, чрезмерно специализирована, за множеством частных теряет из виду целое; профессора увлекаются комментированием античных авторов в ущерб изучению Священного Писания и т. д. Иными словами, в этой системе проявляются все симптомы рационализма и секуляризма.

На аналогичных позициях стоял и П. Л. Сафонов — один из верных последователей Н. И. Новикова. В список членов "академии развратителей", коих "должно убежать и писаний их отнюдь не читать", он занес Вольтера, Даламбера, Дидро, Гельвеция, Кондорсе, Гольбаха и др.⁵ С критикой рационализма и в особенности системы Гельвеция выступал в своих лекциях для братьев "теоретического градуса" И. Е. Шварц; одним из его последователей был влиятельный мистик А. Ф. Лабзин⁶.

Круг чтения русских мартинистов в немалой степени определялся розенкрейцерской традицией, в которой ощутимо влияние духа Реформации с ее стремлением к "первоначальному", "истинному" христианству, и мистической натурфилософии Парацельса, "христианской алхимии", открывавшей перспективу управления природой.

¹ Записки, с. VIII.

² Записки, с. 190.

³ Лубяновский, с. 189.

⁴ Невзоров М. И. Все ли хорошо, что в чужих землях водится // ДЮ, 1811, № 11, с. 100.

⁵ Вернадский, с. 142.

⁶ Там же, с. 137-138.

Однако в этом круге достаточно заметное место занимают сочинения, проникнутые влиянием аскетических творений восточных отцов, отражающие опыт религиозного созерцания природы, родственной "Шестодневу" Василия Великого. Здесь были заложены столь характерные для славянофилов импульсы к восстановлению святоотеческого миропонимания не как "системы", а как свободного духовного делания...

Вавилонское пленение Церкви государственной машиной русские мартинисты не могли оставить без внимания. В своем орловском имении И. В. Лопухин даже соорудил памятник ростовскому митрополиту Арсению Мацеевичу как последнему решительному борцу с деспотическим произволом светской власти.

И что особенно любопытно: ближайшим поводом для ареста Н. И. Новикова в 1792 году и последовавшего преследования его товарищей послужило якобы осуществленное мартинистами издание книги "История о отцах и страдальцах Соловецких, яже за благочестие, святые церковные законы и предания в настоящие времена пострадаша, тут же и Челобитная монахов Соловецкого монастыря к царю Алексею Михайловичу, Повесть о белом клобуке и другие статьи". Этот старообрядческий сборник, напечатанный церковнославянским шрифтом в 1788 году, скорее всего появился на свет без всякого участия московских розенкрейцеров¹, но именно сочувствие и тайная помощь "раскольникам" показали Екатерине II наиболее благовидным предлогом для начала репрессий. Светская власть тем самым лишней раз дала понять, что старообрядцы и мартинисты в ее глазах — одного поля ягоды, и равно представляют опасность для Церкви и государства. У кого-кого, а уж у Государыни Императрицы "мерило православия" было безукоризненным!..

Таким образом, есть немало оснований считать глубоко символическим то обстоятельство, что именно И. В. Лопухин, ходатай перед царским престолом за невинно притесняемых старообрядцев, был крестным отцом одного из старших славянофилов, Ивана Киреевского, которому бабушка подарила "Некоторые черты о внутренней Церкви" с авторской надписью, когда внуку шел еще только восьмой год — 20 февраля 1814 года...²

¹ Лонгинов, с. 288.

² Лясковский В. братья Киреевские. Жизнь и труды их. СПб., 1899, с. 4.

И. В. ЛОПУХИН И БОГОСЛОВИЕ "ВНУТРЕННЕЙ ЦЕРКВИ"

Каждая нравственная победа в тайне одной Христианской души есть уже духовное торжество для всего Христианского мира. Каждая сила духовная, создавшаяся внутри одного человека, невидимо влечет к себе и подвигает силы всего нравственного мира.

И. В. Киреевский

Книга И. В. Лопухина о "внутренней Церкви" была написана в 1789 году для братьев ордена розенкрейцеров и в переработанном виде напечатана десять лет спустя (1798); французский (1799) и немецкий (1803) ее переводы вызвали живейший интерес в мистических кругах Западной Европы. Это первый в России опыт не схоластической экклесиологии, отражающий одну из наиболее значительных сторон теоретической деятельности московских мартинистов¹.

Если все поле их орденской работы условно представить в виде равностороннего треугольника — в который в ту пору очень любили помещать Всевидящее Око, — то на вершине его как раз и окажется богословие "внутренней Церкви".

Дабы не потерять из виду целое, контекст этой экклесиологии, одну из примыкающих сторон будем считать обозначением метафизических интересов, плавно переходящих на другой вершине в "теургию", "христианскую алхимию", поиски "философского камня"; здесь спекулятивное масонство возвращается к своим операциональным корням, но уже в другом масштабе деятельности.

По другой из примыкающих к "богословской" вершине сторон можно разместить разного рода социальные проекты наших мистиков, от благотворительных сборов до утопии со "святым царем", на место которого еще в эпоху господства шведской системы готовили наследника престола, великого князя Павла Петровича.

В основании треугольника, в таком случае, распределится гипотетическая внешняя деятельность братьев по управлению природными стихиями и социальными процессами.

Забегая несколько вперед, обратим внимание на то, что преемники традиций московских мартинистов в николаевскую эпоху занимали исключительно охранительные позиции. Среди декабристов их представителей практически не было. Как отмечал А. Н. Пыпин, к 20-м годам XIX века "прежнее розенкрейцерство... мало-помалу превратилось в аскетический пиетизм"². Флоровский мог бы добавить: "воцарившийся"...

¹ Данилов А. Экклесиологические взгляды И. В. Лопухина. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Сергиев Посад, 1996, 142 с. Машинопись; Гаврюшин Н. К. На границе философии и богословия: Шеллинг — Одоевский — митрополит Филарет (Дроздов) // Богословский вестник. Вып. II. Сергиев Посад, 1998, с. 82-95.

² Пыпин А. Н. Исторические очерки. Общественное движение в России при Александре I. 4-е изд. СПб., 1908, с. 297.

Хотя, повторим, московские мартинисты не вовсе чурались политических интересов, значение их было весьма скромным, и основной водораздел в среде братьев проходил в другой плоскости. Для одних главным было все-таки аскетическое сосредоточение, преодоление "самости", борьба с "помыслами"; для других вся "духовная дисциплина" — лишь ступень к Богопознанию через испытание природы, приготовление к дерзновенному соработничеству Великому Архитектору во внешнем мире.

Здесь не было непримиримых противоречий, но различие в постановке акцентов достаточно существенно, ибо если один путь ведет через узкие врата самоуничтожения, то на другом постоянно возникают соблазны оправдания средств — целью, выдачи себе нравственных санкций на магические действия.

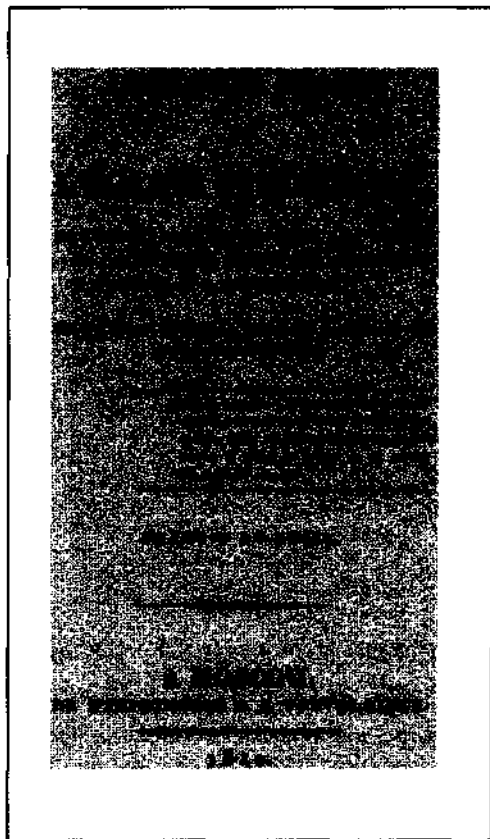
Таким образом, известное противоположение идеалов "внутренней Церкви" и "христианской алхимии" бесполезно для уточнения психологических портретов отдельных мартинистов и их неформальных группировок.

Один из устроителей московского розенкрейцера, барон Шредер, жаловался в Берлине своему орденскому наставнику Вельнеру, что "москвичи любят теософию и мистические книги, но от химии их воротит". Эти слова, как отмечал Г. В. Вернадский, "относятся, вероятно, к "пиетистической" группе московских розенкрейцеров: Лопухину, Краевичу, Репнину"¹.

Что же касается Н. И. Новикова, то относительно него мы имеем прямо противоположное свидетельство. В своих воспоминаниях о посещении Авдотьины Д. И. Попов приводит следующий эпизод.

"Нечаянно заговоря о чем-то космологическом, — пишет он, — я коснулся Лавуазье, и едва назвал его, как глаза старца заблистали, и необыкновенное красноречие полилось в пользу библейских истин, определяющих стихии, которых существование и разряды отметил физико-химик. Прощаясь со мною (это было в первый мой приезд), он сказал мне: *помните слова, хоть и глупого, но старика: все науки сходятся в Религии, лишь в ней разрешаются их важнейшие проблемы, без нее никогда не доучитесь, а притом и не будете спокойны*"².

Блеск в глазах Новикова при упоминании имени Лавуазье — свидетельство немаловажное. Оно позволяет утвердиться в предположении, что не только познание "тайн природы", но и стремление использовать это знание "во благо" человечества у прилежного читателя "Хризомандера" и "Платонова кольца" с годами нисколько не угасло. Да он и в самом деле изучал фармакопею и охотно пользовал ближних и своих крестьян. Новиков — современник Ганнемана, и связь гомеопатии с натурфилософией розенкрейцеров видна невооруженным глазом.

¹ Вернадский, с. 150.

² Попов Д. И. Некоторые черты жизни Н. И. Новикова и С. И. Гамалея // ОР РГБ, ф. 237, № 38, л. 103. Здесь же (л. 105 об.) ссылка на "Отечественные Записки", 1840, где в № 1 "в смеси" имеется заметка "Нечто о Н. И. Новикове" (с. 6-7) за подписью Н. И. П. Ряд библиографов приписывают ее Н. Д. Иванчину-Писареву, но если исправить опечатку в инициале, т. е. вместо Н. читать Д., все становится на свои места.

Конечно, и в ганнемановой методе, и в старой ятрохимии было немало полезного для поддержания телесного здоровья человека, но в других масштабах и разведениях "христианская алхимия" тяготела к управлению миром... Лопухину, Краевичу и Репнину подобная установка была совершенно чужда. То же самое, по-видимому, может быть сказано и о Карамзине.

Молодой Карамзин многим был обязан московским мартинистам. "Россия никогда не должна забывать того, — писал М. Н. Лонгинов, — что без <И. П.> Тургенева и Новиковского круга она, может быть, не имела бы Карамзина, образовавшегося первоначально под их плодотворным влиянием"¹. По возвращении из заграницы в 1790 г. он совершенно отошел от их общества, но сохранил дружеские отношения с прежними наставниками.

В 1815 г. Карамзин посетил Авдотьино и, по рассказу Д. Блудова, имел с его хозяином следующий разговор:

"Новиков спросил у него, продолжал ли он трудиться над познанием Бога, природы и человека путем, указанным ему в юности, или лучше сказать, приобрел ли он когда-либо высшие масонские и розенкрейцерские степени? Карамзин отвечал отрицательно, на что Новиков сказал: *«жаль, вы узнали бы там важные тайны»* и предложил открыть их ему. Но

Карамзин отказался, что, впрочем, не помешало тому, что они расстались в лучших отношениях"².

Мотивы, которыми руководствовался при этом Карамзин, скорее всего могут быть выражены словами одного из духовных воспитанников И. В. Лопухина, переводчика и мемуариста Ф. П. Лубяновского:

"Не в суд и не во осуждение, — замечает он, — а нельзя не подивиться, как люди — и мыслящие, даже чающие утех Израилевы — падки на уду всякого тайного общества; словно хотят, сошедши тихомолком с царской, битой дороги, в обход по тропинке, более прямой и более близкой, опередить толпу и скорее дойти до рая, хотя дверь там на всяк час и для всякого настежь отворена"³.

Для Лопухина и его ближайших единомышленников, равно как и для Карамзина, высшей и вполне самодостаточной была тайна Царствия Божия, которое следует искать "внутри себя" (Лк. 17, 21). Новиков же

считал важным дополнить или пояснить ее розенкрейцерским преданием, "христианской алхимией" и "теургией". Нюанс немаловажный, но он никак не может бросать тень на нравственный облик "ревнителя русского просвещения".

Родство с протестантизмом по розенкрейцерской линии вовсе не означало, что для мартинистов был приемлем один из главных девизов Реформации — спасения "только верою". Все тайные сообщества были воодушевлены как раз принципом "делания", "синергии". Но основная ориентация этого "соратничества" существенно варьировала. Лопухин и пиетистическая группа его друзей определились в направлении мистико-аскетическом — "умного делания" и непрестанной молитвы, близком идеалу восточных отцов-пустынников.

Прямого знакомства мартинистов с сочинениями Паламы отрицать невозможно: в 1785 г. в типографии И. Лопухина вышла книга "Святого отца нашего Григория Палама, архиепископа

¹ Лонгинов, с. 305.

² Лонгинов, с. 383.

³ Лубяновский, с. 219.

Фессалонитского, Десять бесед, с присовокуплением двух бесед, одной Иоанна Златоустаго, а другой Амфилохия Иконийского и с учением Иоанна Дамаскина о Пречистом Теле Господне". Это было действительное возвращение к древнерусскому кругу церковно-учительного чтения. И все же в большей мере мартинисты были ориентированы на тех западных мистических писателей, которые посвятили свои труды опыту восхождения души к Богу. Важнейшее место среди них принадлежало Фенелону, мадам Гюйон и другим авторам, близким к идеалам квиетизма.

Очень характерно, что во второй половине XVIII века в западной религиозной литературе византийский исихазм и латинский квиетизм нередко прямо отождествляются. Так, в "Историческом словаре религиозных культов" Делакруа сообщается дословно следующее:

"Квиетизм начал появляться в Греческой Церкви в XIV столетии... Настоятель одного монастыря у горы Афон по имени Симеон, вдохновленный Григорием Паламой, в ту пору епископом Фессалоникийским, человеком красноречивым и образованным, создал секту мистиков, которых стали называть исихастами — термином, соответствующим квиетистам, система коих была исключительной по своей экстравагантности...

В Латинской Церкви следы квиетизма также прослеживаются с XIV столетия. Иоанн Рейсбрук рассматривается как первый, кто, по-видимому, погрузился в этот опасный мистицизм, хотя он сам восставал против ложного спиритуализма своей эпохи в своем Трактате о Мистическом Браке..."¹

И. В. Лопухин несомненно был ориентирован именно на близкое родство, если не тождество, мистических традиций, и известные основания для этого налицо: ни ареопагитики, ни трактаты преподобного Иоанна Кассиана Римлянина не были исключительным достоянием какой-то одной ветви христианской культуры. К тому же в своем противостоянии клерикализму западный мистицизм вполне естественно мог искать поддержку на Востоке.

Правда, сам Восток, в том числе — нельзя не признать — в лице славянофилов, нередко упорно настаивал на своей исключительности и никак не хотел замечать духовной близости с западными мистиками. Показательный тому пример мы находим в знаменитой статье И. В. Киреевского "О характере просвещения Европы и о его отношении к просвещению России" (1852).

"...Бесчувственный холод рассуждения и крайнее увлечение сердечных движений, — пишет Киреевский, — почитают они равно законными состояниями человека; и когда, в XIV веке, узнали ученые Запада о стремлении Восточных созерцателей: сохранять безмятежность внутренней цельности духа, то издевались над этою мыслию, изобретая для нее всякого рода насмешливые прозвания. Правда, они употребляют иногда те же выражения, какие и Восточные, говоря о "внутреннем сосредоточении духа", о "собрании ума в себе", и тому подобное; но под этими словами обыкновенно разумеют они другое: не сосредоточение, не собрание, не цельность внутренних сил, а только их крайнее напряжение"².

И. В. Лопухин

¹ Delacroix M. Dictionnaire historique des cultes religieux etablis dans le monde depuis son origine jusqu'à-present. Nouvelle éd. T. 3. Paris, 1777, p. 349.

² Киреевский И. В. Полн. собр. соч. Т. 1. М., 1911, с. 201.

Как ни тяжело это говорить именно о Киреевском, но — *amicus Plato*... — данное суждение есть прямое свидетельство предвзятости, узости исторического опыта, своего рода духовной прелести, коей свойственны претензии на приватизацию благодати и "технологии" богообщения...

Допустим, что И. В. Лопухин, митрополит Филарет Дроздов и К. П. Победоносцев заблуждались относительно достоинств сочинения Фомы Кемпийского. Но уж история с "Невидимой бранью" Никодима Святогорца должна, наверное, образумить и самых упорных.

Автором этого труда многие считали самого святителя Феофана Затворника, опубликовавшего в 1888 году его русский перевод, и учились по нему подлинному восточно-православному молитвенному деланию. Вышенский Затворник и в самом деле работал с греческим изданием, появившимся в 1796 году в Венеции. Но он не знал при этом, что "Невидимая брань" была переводом и частичной переработкой классической книги западного монашества — "Брани духовной" Лоренцо Скуполи (ок. 1530-1610)...¹

Как не подивиться, что именно 28 ноября н. с., в день кончины этого западного духовного писателя, ценного и св. Франциском Сальским, и — *volens-polens* — св. Феофаном Затворником, чтится память создателя славянского "Добротолюбия", преподобного Паисия Величковского!

Впервые русский перевод "Брани духовной" (студента И. С. Андреевского) вышел в свет при участии Типографической компании (М., 1787) и вряд ли без ведома И. В. Лопухина, а второй, уже с французского, осуществил А. Ф. Лабзин (1816). Таким образом, русские мартинисты предварили энкратический синтез святителя Феофана...

В 1784 году типография И. В. Лопухина отпечатала "Духовный путеводитель, служащий к отвлечению души от чувственных вещей, и к приведению ее внутренним путем к совершенному созерцанию и ко внутреннему миру". Это знаменитое сочинение Мигеля де Молиноса (1640-1696), основоположника *квиегизма*. Оно было осуждено папой Иннокентием XI (1687), но нашло тем не менее множество сторонников в католической среде, вдохновило мистическую писательницу мадам Гюйон и косвенным образом инспирировало эпохальный спор Фенелона и Боссюэ.

Есть небезосновательное предположение, что русский перевод этой "предрагоценной", по определению Лопухина, книги был выполнен им самим². Прямых доказательств его участия в издании сочинения мадам Гюйон "Соборное послание с<вятаго> а<постола> Иакова с толкованиями и примечаниями относительно ко внутренней жизни", вышедшего в Москве в тайной масонской типографии около 1785 г., нет, но вряд ли дело обошлось без него...

Спустя четыре года, "в старом саду Графа Разумовского, что на Гороховом поле, который тогда открыт был для народного гулянья", Лопухин написал "карандашом" большую часть своего главного богословского сочинения — "Некоторые черты о внутренней Церкви"³. Безмолвным свидетелем этого события была сохранившаяся поныне усадебная церковь Вознесения Господня...

Нет сомнений, что замысел и содержание книги складывались в ходе мысленного собеседования ее автора с теми отцами Церкви и мистическими писателями, сочинения коих издавала или предполагала напечатать Типографическая компания. Помимо уже названных выше св. Григория Паламы, Лоренцо Скуполи, Мигеля де Молиноса и мадам Гюйон, особо нужно выделить имя архиепископа Камбрейского Фенелона.

В своем учении о молитве знаменитый автор "Похождений Телемака" опирался в первую

¹ Мосин А. "Брань духовная" в России // Символ, № 35, Париж, 1996, с. 7-12.

² Св. каталог, т. II, с. 255.

³ Записки, с. 40.

очередь на труды начолоположника галльского монашества Иоанна Кассиана Римлянина, отразившие духовный опыт первых египетских пустынножителей. Вдумчивый и последовательный защитник идей квиетизма, Фенелон выправлял их именно по этой древней традиции.

Особенно существенным Лопухину представлялось понимание Фенелоном любви к Богу как совершенно чистой, бескорыстной, самозабвенной, свободной от ожидания каких-либо "наград", хотя бы и в потусторонней жизни. Это учение, вызвавшее резкие нападки со стороны Боссюэ, резко контрастировало с духом меркантильности, торгашеского отношения к ценностям жизни, неприметно вторгавшимся в сферу религиозного устроения и чувства. Оно казалось крайне опасным приверженцам "договорных" отношений с Богом, идеологам "рыночной сотериологии", приспособленной к уровню мышления дикарей и ростовщиков. Оно тревожило ревнителей внешней духовной власти и обряда, расшатывая основания их душевной самоуспокоенности и материального благополучия.

Среди тех, кто так или иначе способствовал утверждению богословской ориентации Лопухина, необходимо упомянуть религиозных писателей, которых он рекомендовал М. М. Сперанскому: Рейсбрука, Фому Кемпийского, Иоанна Масона, св. Хуана де ла Крус, Антуанетту Буриньон (и, стало быть, Пуаре), а также последователя мадам Гюйон Дютуа-Мамбрини. Кроме того, немаловажной была и роль авторов, вышедших из протестантской среды: Арндта, Беме, Гаугвица, "Пастырское послание" которого Лопухин подарил своему юному другу Д. И. Попову.

Главное, что объединяло все эти сочинения — это сосредоточенность на индивидуальном религиозном опыте, перипетиях борьбы личности со своей "самостью", малейшими признаками корыстных мотивов и другими формами духовной прелести. Поэтому Лопухин и мартинисты называли своих любимых авторов "внутренними", и именно через осознание единства их "общего дела" родилась идея "внутренней Церкви".

Правовые проекции *Тела Христова* для "внутренней Церкви" малозначительны. Основой ее целостности является единение каждого подвижника со Христом — в подражании Ему, в *делании о Господе*. Поэтому для внешнего взора и разума "внутренняя Церковь" остается *невидимой*.

Для тех, кто был способен понимать христианство только как некую новую форму религиозного законодательства, пусть даже и греческого, кто в регулярном исполнении обрядов искал успокоения или даже усыпления совести, кто отмерял "жертву Богу" мерой разума тяжести своих прегрешений, книга Лопухина обречена была оставаться неудобопонятной.

Вообще, вопрос об обнаружении, самораскрытии, явлении "внутренней Церкви" во вне — один из самых загадочных. В контексте русской историософии далеко небезразлично уяснить, может ли образ Алеши Карамазова рассматриваться как адекватное выражение, словесная икона религиозного идеала, вращивавшегося в окружении И. В. Лопухина.

Важность этого вопроса особенно высвечивается пророческим высказыванием О. Шпенглера, согласно которому "христианству Достоевского принадлежит следующее тысячелетие"¹, а ориентация на "внутренних авторов" близкого творцу "Братьев Карамазовых" Н. Н. Стрхова дает дополнительный материал для развития темы...²

Сам Лопухин в подмосковном Савинском осуществил масштабный замысел монументального раскрытия идеи "внутренней Церкви", создав на аллеях пейзажного парка своеобразный "пантеон пиетизма", не раз воспламенявший творческое вдохновение российских служителей муз.

¹ Spengler O. Der Untergang des Abendlandes. Bd. 2. München, 1922, S. 237. По убеждению Шпенглера, оно будет "беспоповским" — priesterlose (S. 623).

² Бывший воспитанник Кастромской духовной семинарии, по определению В. В. Розанова — "Баратынский нашей философии", в письмах к Толстому особенно рекомендует Фенелона, мадам Гюйон, Пуаре — и "Некоторые черты о внутренней Церкви" Лопухина. — Толстовский музей. Т. II. Переписка А. Н. Толстого с Н. Н. Стрховым. 1870—1894. СПб., 1914. указ. имен.

САВИНСКОЕ – ПАНТЕОН ПИЕТИЗМА

*Там все Веры возношение,
Истой мудрости отлив,
Каждой взгляд – есть поученье,
Каждой шаг – иероглиф.*

Кн. И. М. Долгорукий

МЕСТОПОЛОЖЕНИЕ И ОБЩИЙ ВИД УСАДЬБЫ

Подмосковная усадьба И. В. Лопухина *Савинское* располагалась на правом берегу реки Вори, чуть ниже Никола-Берлюковской пустыни и примерно в двух верстах от имения Я. В. Брюса *Глинки*.

Дорога к ней, по оценке *Воейкова*¹, от центра Москвы "по Дмитровке", насчитывала около 40 верст, из коих последние десять – "дремучим бором по узкой, тряской и скучной проселочной дороге".

М. И. Невзоров, проделавший этот путь во время пожара Москвы в 1812 году от дома Лопухина, стоявшего рядом с нынешней Исторической библиотекой в Старосадском переулке, ехал через Семеновскую заставу, Измайлово, Стромынку и Щитниково...

С точки зрения архитектуры и интерьеров усадьба, по-видимому, не представляла собой ничего примечательного. "Не ищите, – писал *Воейков*, – высоких палат с колоннадами, гобелиновых обоев, бархатных диванов: низкие боярские хоромы, по-старинному на две половины разгороженные, дубовые столы и стулья, и простое деревянное крыльцо о трех ступеньках; по обе стороны небольшие службы, конюшни и сарай, также деревянные; птичьей и скотной дворы, крытые соломою, – вот все здания! Гению архитектора было здесь мало дела! Перед домом расстилается муравчатая лужайка, а за нею было непроходимое болото"...

¹ См. Список сокращений.

² Описание А. Ф. Воейкова почти дословно повторяет "Новый путеводитель по Москве". Ч. II. М., 1833, с. 353-359.

Главной достопримечательностью усадьбы был пейзажный парк, общую картину которого *Восйков* нарисовал тщательно и эмоционально:

"Савинское не окружено ни рвами, ни оградой. С двух сторон обтекает его глубокая река и крутым поворотом составляет полуостров, который широким искусственным рукавом совсем отделяет его от материка. Несколько прудов и каналов, в разных направлениях, проведено из реки к главному протоку. Савинский сад — есть маленький Архипелаг: воды теряются в рошицах, укрываются за холмами, переливаются золотом на лужайках, нечаянно открываются за возвышенным берегом, серебрятся сквозь сеть древесную и образуют множество островков, один другого муравчатее, сенистее, веселее, прелестнее.

Часто самый памятный посетитель, задумавшись, бредет по тропинке — и совсем неожиданно видит перед собою воду, которая, преграждая ему дальнейший путь, заставляет его идти назад по своим следам. Он торопится — и опять по извивающейся и обманывающей его дорожке приходит к воде — и опять принужден воротиться. С удивлением ищет он выхода из этого водяного лабиринта.

Творец Савинского сада знал, что многие будут досадовать за такую хитрость, иногда заставляющую их бродить против воли и до утомления; он постарался вознаградить их за труд, и везде приготовил гуляющим или покойную хижину, или прохладную беседку. Каждая тропинка извивается около приятных предметов, ведет к живописным видам: везде пища для души, наслаждение для сердца".

Повидавшему немало старинных усадеб А. Н. Гречу этот парк показался совершенно необычным. "Только в Озере Голицыных под Звенигородом, — отметил он, — можно найти аналогичную планировку сада, поражающую своей неожиданностью и оригинальностью"¹.

Но главное своеобразие Савинского было, конечно, не в организации ландшафта, а в религиозно-философских идеях, нашедших свое воплощение в парковой скульптуре и архитектурных сооружениях. Здесь, так сказать, экстериоризировалась, стала внешне-наглядной таинственная глубина "внутренней Церкви", образовался пантеон вождей пиетизма, индивидуализированный выражениями личной сердечной симпатии его создателя.

Отдельные фрагментарные, сбивчивые и не свободные от противоречий описания Савинского, которые оставили потомкам в стихах и прозе его посетители, дают тем не менее достаточный материал, чтобы в воображаемых прогулках по островам, аллеям и тропинкам усадьбы составить представление о целостном замысле И. В. Лопухина и о существенных его деталях.

¹ Греч. с. 132.

ЮНГОВ ОСТРОВ

Здесь тихо все, здесь все живет в печали.

А. А. Дельвинг

Главный в смысловом отношении, хотя и не самый большой по размерам остров Савинского парка носил имя одного из наиболее влиятельных мистических поэтов XVIII века Эдуарда Юнга (1683-1765), гертвордширского священника, продолжавшего традиции Джона Мильтона. В его стихах преобладали мотивы отрешенности от земного бытия, размышления о смерти и вечности.

Чрезвычайным успехом пользовались его "Ночные мысли", многократно переводившиеся на русский язык. В типографии И. В. Лопухина они вышли в переводе с немецкого А. М. Кутузова¹. Сам же хозяин Савинского перевел с французского поэму Юнга "Торжество веры над любовью" (М., 1780). Свои сочинения и переводы он нередко подписывал: "Ф<илус> Пустынник Юнгова острова" (или без инициала масонского имени), а своего племянника А. И. Ковалькова именовал "Юнгом Русским". Вот что Лопухин писал издателю "Друга юношества" М. И. Невзорову по поводу одного из этюдов Ковалькова, посвященных Савинскому:

"Я теперь уверен, что сам *Эдуард Юнг* с приятно чувствительностью погулял бы у меня на островке, названном его именем, и что при всей просветительности своих ночей, и при всем изыществе плача своего, *Аглинский Юнг* не отказался бы от *дневного восхищения обновленного Юнга Русского*"².

О памятнике английскому поэту говорит только один из посетителей Савинского — князь *И. М. Долгорукий*:

Там за мрачными волнами
Юнгов остров, — тут он сам;
Меланхолия с слезами
Пред ним деет фимиами.

Из этого сообщения можно заключить, что скульптурная группа с аллегорической фигурой находилась напротив острова, возможно, близ ведущего на него моста.

Первыми впечатлениями от посещения Юнгова острова поделился с читателями

¹ Плач Эдуарда Юнга, или Ночные размышления о жизни, смерти и бессмертии. Ч. 1-2. М., 1785. В 1787 г. в московских книжных лавках было конфисковано 462 экз. этого издания. — *Св. каталог*, т. III, с. 450.

² ДЮ. 1813. февраль, с. 1-2, прим.

"Вестника Европы" в 1809 году В. А. Жуковский. В своей редакторской заметке, содержащей, правда, небольшие фактические ошибки, он создал целостный поэтический образ "пантеона пиетизма", сумел в немногих словах передать навеваемое им настроение и выделить важнейшие смысловые доминанты.

"Я видел в саду И. В. Л<опухина>, находящемся верстах в 30 от Москвы, в подмосковном его селе Савинском, скромную урну, посвященную памяти Фенелона. На ровном месте, где прежде было топкое болото, явились тенистые рощи, пересекаемые прекрасными дорожками и орошенные чистою, прозрачною, как кристалл, водою.

Расположение сада прекрасно; лучшее в нем место есть *Юнгов остров*. <...> Вы видите большое пространство воды. Берег осенен рощею, в которой мелькает *Руссова хижина!* На самой середине озера – *Юнгов остров*, с пустынною хижиною и несколькими памятниками, между которыми заметите мраморную урну, посвященную Фенелону. На одной стороне урны изображена госпожа *Гюйон*, друг Фенелона, а на другой *Ж. Ж. Руссо*, стоящий в размышлении перед бюстом Камбрейского Архиепископа. Артист выбрал ту самую минуту, в которую Женевский Философ воскликнул: *для чего не могу быть слугою Фенелона, чтобы удостоиться быть его камердинером!* Остров осенен разными деревьями: елями, липами, березами и другими; его положение чрезвычайно живописно; всего приятнее быть на нем во время ночи, когда сияет полная луна, воды спокойны, и рощи, окружающие берег, отражаются в них, как в чистом зеркале! Это место невольно склоняет вас к какому-то унылому, приятному размышлению"¹.

Жуковский безукоризненно точно выделил как центральный образ Фенелона и верно указал на глубокую к нему симпатию со стороны Руссо, но на постаменте по другую сторону от мадам Гюйон был изображен все-таки не автор "Эмиля", а другое лицо, о котором будет сказано чуть ниже...

Можно уверенно предполагать, что не без инициативы Жуковского как редактора журнала к данному 4-му номеру "Вестника Европы" была приложена и гравюра с изображением Юнгова острова. На ней с трудом угадываются очертания стоящей на берегу Урны Фенелона и еще какого-то сооружения, скорее всего, звонницы в пустыньке.

¹ Жуковский В. А. <Примечание к статье Ла Гарпа "Фенелон, воспитатель Герцога Бурбонского"> // ВЕ, 1809, № 4, с. 298-299, прим.

Памятник Я. Бёме

Сен-Мартен в наиболее зрелых своих произведениях является только последователем Якова Бёма.

Вл. Соловьев

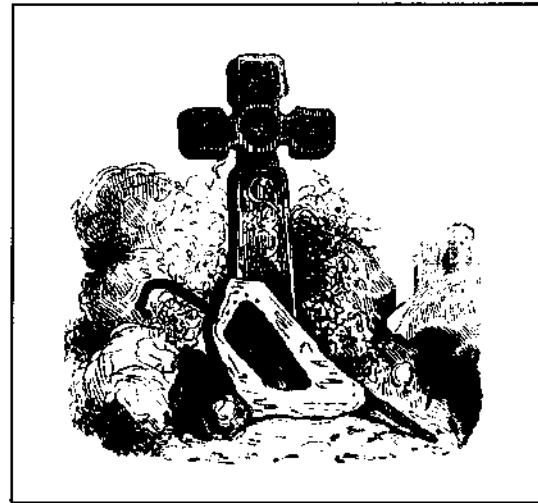
Первой достопримечательностью, с которой встречался гость Савинского парка, перейдя по мосту на Юнгов остров, был памятник Якову Бёме (1575-1624) — знаменитому германскому теософу, сочинения которого представляли собой удивительный сплав религиозной поэзии и метафизики, исполненный пророческого пафоса.

Для немецких пиелистов они были равнозначны апостольским посланиям; глубине умозрений простого башмачника из Гёрлица изумлялись и Сен-Мартен, и Шеллинг, и Гегель.

Русские мартинисты читали Бёме по-немецки и в русских переводах, которые хотя и не были напечатаны в XVIII веке, но расходились во множестве списков. В одном только собрании В. С. Арсеньева их насчитывается более 60-ти¹.

О том, что представлял собою памятник, довольно подробно рассказывает *Ковальков*: “Крест, поставленный на холмике и окруженный сосновым кустарником, есть первое зрелище, представляющееся при входе на сей благословенный остров. Он прост; но в простоте его то величие, коего чужды и самые великолепнейшие обелиски. На Кресте изображены мистические фигуры; и вот уже для сердца внутреннего человека источник сладких размышлений!

Сей Крест поставлен в честь великого Теософа И<акова> Бёма, коего лице изображено на мраморе при подножии Креста. Розы и фиалки, вокруг его растущие, приносят ему в дань свое благоухание”².

¹ Рукописные собрания Государственной Библиотеки СССР имени В. И. Ленина. Указатель. Т. 1. Вып. 2. М., 1986, с. 199.
² ДЮ, 1813, февраль, с. 10-11.

Урна Фенелона Барельефы мадам Гюйон и Дютуа-Мамбрини

*У тебя есть Фенелон и твоё сердце.
Довольно!*

В. А. Жуковский

Гости Савинского — и первый из них В. А. Жуковский — в один голос утверждают, что расположенная на Юнговом острове урна в память Фенелона есть главное сокровище и смысловой центр усадьбы. "В нашем отечестве, — с полным основанием писал поэт, — многие умеют удивляться добродетелям сего человека, истинно великого как деятельностью для блага людей, так и искусством изображать свои мысли и чувства языком, для всех равно привлекательным"¹.

¹ ВЕ, 1809, № 4, с. 298.

Лопухин называл архиепископа Камбрейского своим героем "из первых между мужами истинно великими"¹. В его статье "Примеры истинного героизма, или Князь Репнин и Фенелон в своих собственных чертах"² этому сердечному убеждению было дано раскрыться во всех подробностях. А графу М. М. Сперанскому 13 октября 1805 года Лопухин адресует следующие строки:

"Как же я рад, любезный друг, что Вы так полюбили Фенелона, что Вы также полюбили *простоту*; она есть главное и необходимое укрепление обители Божией в сердце; а обитель сия есть единственная школа премудрости"³.

Высоко ценил Фенелона и московский митрополит Платон. Свое поучительное слово на Рождество Богородицы 8 сентября 1787 г. он составил из проповеди, говоренной Камбрейским архиепископом в день Успения Пресвятой Богородицы, о чем сам сообщил в XIII томе своих сочинений (1792).

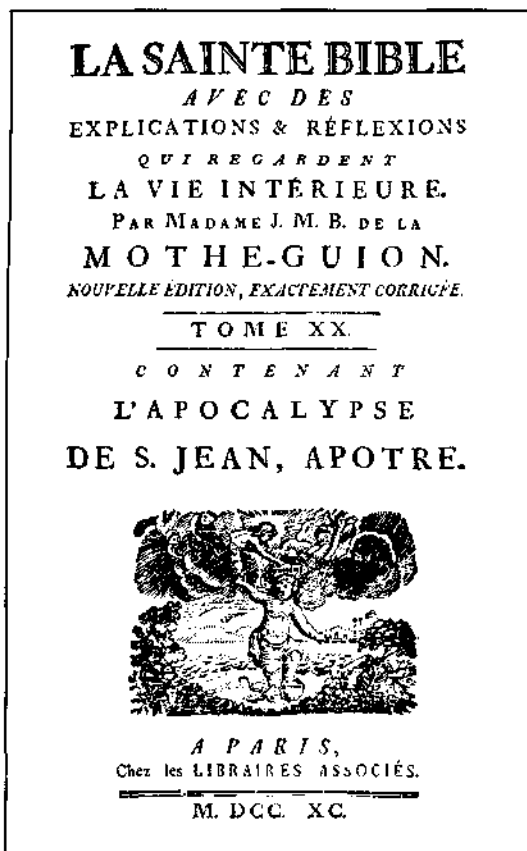
Русское духовенство, за исключением разве болезненно-мнительного архим. Фотия, вообще очень любило Фенелона, но в первую очередь именно как проповедника. Нравственно-аскетические его сочинения читались меньше и порой, видимо, вызывали недоумение своей высокой требовательностью. Лопухин, в частности, рассказывает эпизод с одним из видных архиереев, который по ознакомлении с "Духовными творениями Фенелоновыми" заключил: "Да они писаны разве для Ангелов, а не для людей", – и с тех пор никогда не упоминал о Фенелоне"⁴.

Что же касается Лопухина, то для него главным было, конечно, учение о совершенном бескорыстии религиозных мотивов, о "чистой любви", тесно увязанное с аскетической дисциплиной в духе квиетизма и исихазма. В этом и была суть идеи "внутренней Церкви".

Фенелону пришлось отстаивать ее, как уже говорилось, в острой полемике с Боссюэ. Поводом для нее послужили сочинения мистической писательницы Ж. М. Гуйон (1648-1717), в которых она развивала мистико-аскетические принципы квиетизма, имевшие немало общего со взглядами св. Франциска Сальского, св. Хуана де ла Крус и др. Боссюэ осудил мадам Гуйон, чувствуя прочную опору в папской булле против "Духовного путе-указателя" Молиноса, а Фенелон взял ее под защиту, обвинив своего оппонента в незнании текстов упомянутых св. отцов католической Церкви⁵.

Камбрейскому архиепископу заметно сочувствовали иезуиты, но Боссюэ и римский официоз в конце концов одержали формальную победу.

"Внутренняя Церковь" непременно должна

¹ Записки, с. 142.

² ДЮ, 1813, № 3, с. 1-102.

³ РА, 1870, табл. 619.

⁴ ДЮ, 1813, № 3, с. 64. Из контекста очевидно, что речь шла о Платоне.

⁵ Литература о Фенелоне и мадам Гуйон весьма обширна. Из новейших доступных мне работ назову: *Leduc-Fayette D.*, éd. Fénelon. Philosophie et Spiritualité. Genève, 1996; *Madame Guyon*. Grenoble: J. Millon, 1997.

была стать гонимой! Фенелону пришлось принести покаяние, а мадам Гюйон семь лет провела в тюремном заключении... В глазах Людовика XIV авторитет славившегося красноречием Боссюэ стоял очень высоко.

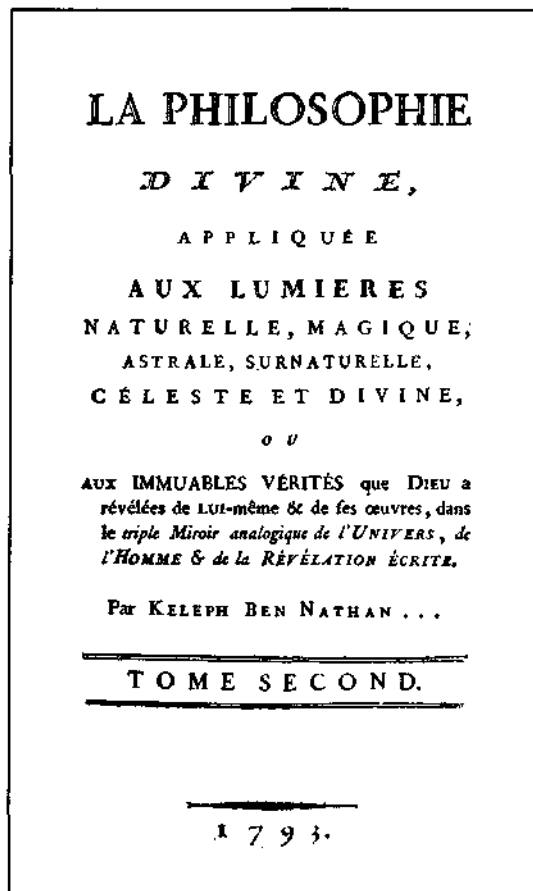
В России сочинения Гюйон, как и других мистиков, подверглись повсеместному изъятию в 1840-х гг., при обер-прокуроре Св. Синода графе Н. А. Протасове, а до 1827 они даже рассылались по монастырям и духовным училищам. Но генералу от кавалерии должно быть виднее...

Преемником идейной традиции "внутренней Церкви" стал мистический писатель М. Ф. Дютуа-Мамбрини (1721-1793). "Божественную философию" этого автора, опубликованную под псевдонимом Келеф бен Натан, Лопухин ценил очень высоко и как раритет в 1799 г. переиздал в России на языке оригинала. Он же, скорее всего, предложил Ф. П. Лубяновскому перевести на русский "Три первоначальные человеческие свойства" (М., 1800).

В России выходило анонимно и еще одно сочинение Дютуа – "Присутствие Божие" (М., 1798), которое одно время ошибочно приписывали перу самого Лопухина¹, что тоже по-своему знаменательно. Небольшой фрагмент из "Божественной философии" увидел свет и в журнале М. И. Невзорова². Полностью она была напечатана через два года после кончины Лопухина³.

Нового критического исследования о верном последователе мадам Гюйон пока нет⁴, но по всему видно, что он стремится сочетать квиетистскую аскезу с платонической метафизикой, в частности, идеей андрогинизма первого человека, и преданностью латинству (но не папизму!) вплоть до отстаивания *filioque*⁵. Это не помешало московскому святителю Филарету (Дроздову) воспользоваться для своего Слова на Великую Пятницу 1813 г. фрагментом "Божественной философии" Дютуа (и "Таинством Креста" Дузетана), что было текстологически скрупулезно показано А. Д. Галаховым⁶. Именно в связи с этим обстоятельством Флоровский вынужден был признать: "вопрос о генезисе и источниках мировоззрения Филарета нуждается в новом и очень внимательном исследовании"⁷.

* * *

¹ Св. каталог, т. III, с. 467, № 8827.

² Изречения некоторых арабских философов (Перевод из книги *La Philosophie Divine*) // ДЮ, 1812, № 9, с. 43-52.

³ Божественная философия в отношении к непреложным истинам, открытым в тройственном зеркале: вселенной, человека и Священного Писания. Ч. 1-6. М.: Унив. тип., 1818-1819.

⁴ Старые (*Chavannes J.* Jean-Philippe Dutoit. Sa vie, son caractère, et ses doctrines. Lausanne, 1865; *Favre A.* Un théologien mystique vaudois au XVIIIe siècle, Jean-Philippe Dutoit (1721-1793). Genève, 1911) мне не были доступны.

⁵ *Keleph Ben Nathan* <*Dutoit-Membrini J.-Ph.*> *La Philosophie Divine*. Т. 2, s. I., 1793, p. 223 note. Здесь прямо говорится о "ереси" Греческой Церкви относительно исхождения Св. Духа... Впрочем, и "секту пиетистов" он подозревает в фарисействе...

⁶ Галахов А. <Д.> Обзор мистической литературы в царствование императора Александра I // ЖМНП, 1875, № 11, с. 168-170.

⁷ Флоровский, с. 543.

К Урне Фенелона мы направимся, следуя достаточно подробным указаниям *Ковалькова*, не раз проделавшего этот путь.

"От памятника Бемова, — пишет он, — идет тропинка между излучистых аллей внутри острова и примыкает к низу холма, держащего на зеленом вершине свою мраморную урну в честь *Фенелону, Гион и Дютуа*. Тут невольно остановишься и сядешь на скамейку, простотой и вкусом сплетенную из березы, стоящую в природной впадине дерев прямо против памятника".

Ф. П. Лубяновский, посетивший Савинское весной 1812 г. (возможно, одновременно с *Воейковым*), нашел, что в сравнении с богатым монументом в Камбре, этот памятник "скромный и убогий, бесценный только по воспоминаниям"¹. А красноречивое описание его, сделанное *Жуковским* (который принял *Дютуа-Мамбрини* за *Руссо*), позволяет предположить, что мраморная урна была воздвигнута на четверогранном основании, по одну сторону которого находилось изображение мадам *Гюйон*, а по другую был представлен автор "Божественной философии", стоящий перед бюстом *Фенелона*.

Под памятником, по сообщению *Ковалькова*, были погребены пряди волос этих подвижников "внутренней Церкви". Надо полагать, реликвия перешла к *Лопухину* от наследников *Дютуа*.

¹ *Лубяновский*, с. 274.

Пустынька

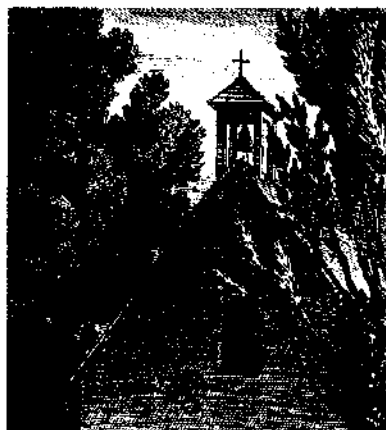
... В тиши, таинственно питаюсь
Высоким, истинным, святым...

Ф. Н. Глинка

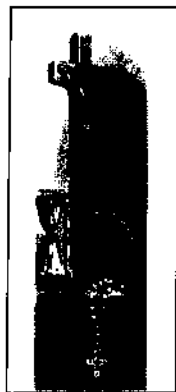

В центре Юнгова острова, на возвышении, находилась "пустынька", келия отшельника, или "приют Анакоретов", по выражению И. М. Долгорукого. Она символизировала собой подлинную вершину молитвенно-созерцательной жизни.

"На стене в пустыньке, — повествует Ковальков, — повешен Крест с надписью "Крест дражайший, вождь верный мой!", а на столе лежит "письмо, содержащее в себе краткие правила душам, желающим победить мир со всеми его прелестями". Колокол наверху пустыньки "напоминает спасительную силу Божественного гласа, возбуждающего от сна греховного ко бдению во храме Истины и Любви".

По воспоминаниям Д. И. Попова, в келии висел и портрет отшельника по имени *Досифей*. Вполне возможно, что Лопухин создал эту обитель в память своих дружеских отношений с епископом Орловским Досифеем (Ильиным), находившимся на кафедре с 1798 по 1817 год. "Преосвященному Досифею, епископу Орловскому и Севскому" Лопухин посвятил свой перевод с французского "Разговора между двумя приятелями о сердечной перемене", указав в сопровождающей записке: "...для употребления в Вашей Севской Семинарии"¹. С 1817 и до своей кончины в 1827 г. Досифей пребывал на покое в Чолнском Спасском монастыре близ Трубчевска.

Впрочем, в святцах под этим именем поминаются преподобный Досифей Палестинский, ученик аввы Дорофея, и преподобный Досифей Псковский, основатель Петропавловского Верхнеостровского монастыря; в анналах русской истории есть также сведения о тезоименитом соловецком затворнике, о наставнике бесполовской старообрядческой общины на Дону. Так что о мотивах, руководивших Лопухиным, можно судить только предположительно.

¹ ДЮ, 1811, № 2, с. 58-59.

О дружбе еп. Досифея с И. В. Лопухиным и И. П. Тургеневым упоминает А. Н. Веселовский, ссылаясь на письмо Ал. Тургенева В. А. Жуковскому от 19 ноября 1814 г. — *Веселовский А. Н.* В. А. Жуковский. Поэзия чувства и сердечного воображения. М., 1999, с. 137.

Грот. Памятники Тихону Задонскому и Н. А. Краевичу

*... И ты, величественный грот,
Тяжело-каменный, постигнут разрушеньем.*

Е. А. Боратынский

Спускаясь от пустыньки вниз, "во впадину горы", гость парка оказывался возле грота и мог присесть "на большую скамейку, сделанную из березы, обросшей мохом" (Ковальков). Оттуда был виден и памятник Фенелону.

"Сладкая тишина и мирная тень, — рассказывает *Юнг Русский*, — окружают сие место. Большие деревья и густая трава по всей горе весьма приятное представляют глазам зрелище. Безмолвие, пением птичек иногда прерываемое, и темнота дают сему гроту вид глубокого уединения".

Внутри грота находилось два памятника. Один — епископу Воронежскому *Тихону (Соколову; 1724-1783)*, прославленному Церковью в лике святых. В Задонский Богородицкий монастырь, где он провел последние годы своей подвижнической жизни, уже в конце XVIII века постоянно стекалось множество народа за молитвенной помощью великого угодника Божия.

На памятнике святителю Тихону была изображена "на высоте горящая свеча". — "Он был поставлен в светильник миру, — писал *Ковальков*, — возжженный небесным огнем Искупителя; и свеча на его памятнике представляет Его свет, который светил и светит в сердца, вкушившие плоды внутреннего обращения".

И. В. Лопухин и его близкие друзья глубоко почитали Воронежского святителя. Из представителей русского духовенства он раньше и глубже других проникся пиетистскими настроениями. Любимой его книгой было сочинение Иоанна Арндта "О истинном христианстве", впервые переведенное на церковнославянский язык и напечатанное в самом центре пиетизма, в Галле, в 1735 г.¹ Это название святитель взял и для своего нравственно-аскетического труда.

Вместе с рядом других его книг, "О истинном христианстве" (Т. 1-6. СПб., 1785) в 1787 году было конфисковано властями. Тогда проходила первая волна борьбы с мартинистами, и екатерининские чиновники тоже по сути дела причислили Тихона Задонского к "внутренней Церкви".

Другой памятник в гроте был посвящен другу И. В. Лопухина, мистическому писателю *Николаю Александровичу Краевичу (1758-1790)*. Число его почитателей, даже в розенкрейцеровских кругах, было, по-видимому, невелико, о чем Лопухин с горечью писал в статье "Несть пророк во Отечестве своем"². Сам же хозяин Савинского считал, что по мистической одаренности Краевича вполне можно поставить рядом с Бёме ("подлинно имел Вöhmí'ческое просвещение"), перевел на французский язык его "Откровения" и напечатал в одной книжке вместе с "Разными рассуждениями" кн. Н. В. Репнина ("Les fruits de la Gráce". s. l., 1790), о чем рассказал в одном из писем к М. М. Сперанскому³.

Позднее Лопухин напечатал, уже по-русски, более полную подборку сочинений своего покойного друга под названием "Луч Благодати, или Писания Н. А. К." (без указания места и года издания).

Памятник Краевичу представлял собой, как сообщает *Ковальков*, "Крест с урной под ним". Это была уменьшенная копия надгробия писателя в Московском Новоспасском монастыре.

¹ Новый русский перевод И. П. Тургенева вышел в свет в типографии И. В. Лопухина в 1784 году.

² ДЮ, 1812, № 11, с. 124-136.

³ РА, 1870, столб. 617.

Памятник Эккартсгаузену

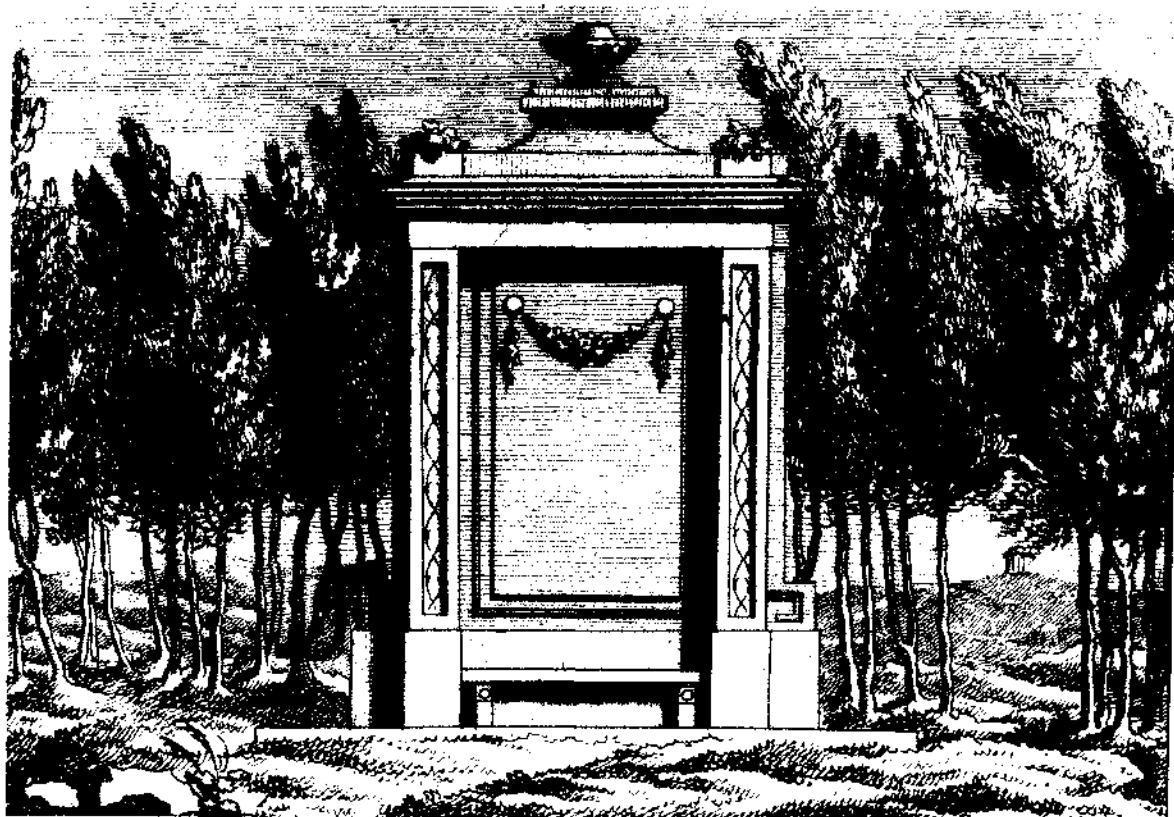
Карл Эккартсгаузен превосходно, в самых простых сравнениях умел представлять простым людям великость жертвы Христова пришествия на земле.

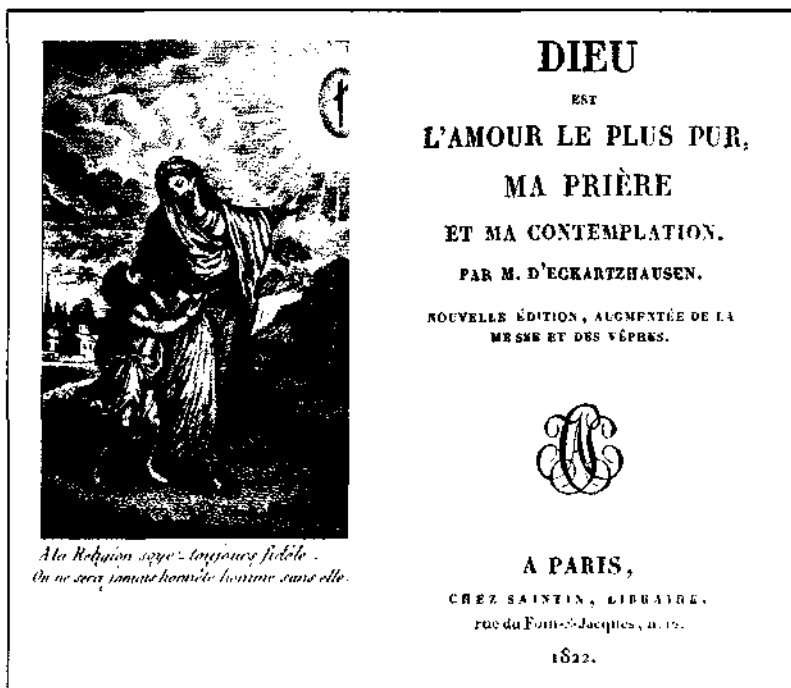
Н. С. Лесков. На краю света

По тропинке, вьющейся в некотором удалении от берега вокруг острова, гости Савинского подходили к большому мраморному столбу с урной, на котором была вырезана надпись: "ПАМЯТИ МУДРАГО".

Этот монумент воздвигнут в честь знаменитого теософа, поэта и метафизика Карла Эккартсгаузена (1752-1802), автора таких сочинений как "Ключ к тайнствам природы", "Наука чисел", "Облако над святилищем", "Бог есть любовь чистейшая" и т. д., хорошо известных

русскому читателю Александровской эпохи.

Эккартсгаузена ценили не только мартинисты, но и И. А. Гончаров, кн. В. Ф. Одоевский, епископ Минский Анатолий (Максимович), митрополит Московский Филарет (Дроздов) и др. Немецкий теософ несомненно подготовил почву для распространения в России шеллинговой философии и духа пиетистской религиозности.

А. И. Ковальков именует Эккартсгаузена

"Высокопросвещенным". Этот эпитет звучит несколько двусмысленно, поскольку напоминает о близости писателя к ордену иллюминатов. Именно она придавала весомость угрозам, которые связывал с мистическими авторами архимандрит Фотий в письмах к Александру I (1824). Но пребывание Эккартсгаузена в обществе Адама Вейсгаупта на степени "ученика" (apprenti) продолжалось недолго, и с 1784 г. он активно способствовал его запрещению в Баварии.

Поддерживая связи с Юнгом-Штиллингом, Кирхбергером и другими мистиками, Эккартсгаузен внимательно следил за новейшей литературой и сам обратил внимание на французское издание книги И. В. Лопухина "Некоторые черты о внутренней Церкви". Он нашел ее "драгоценной и исполненной истинной мудрости", о чем сообщил в письме к С. И. Плещееву (1801)¹.

Лопухин не скрывал, как много значила для него похвала Эккартсгаузена, и рассказал в своих "Записках" немаловажные подробности взаимоотношений с ним. "Внимание его ко мне всегда будет очень лестно для меня. И смирению — у него бы мне учиться надобно. Он писал ко мне последнее может быть в жизни своей письмо; писал дней за десять до своей смерти, и прислал ко мне в манускрипте последнее же, думаю, сочинение свое о согласии внешних законов природы с внутренними законами духа, под названием: "Наставление Клоаса, жреца природы, Софрониму". В письме том пишет, что ежели сие его сочинение заслужит мое одобрение, то он будет продолжать его. Читая сие, я покраснелся при всем столь живом, как сказал я выше, самолюбию моем"².

Книга Лопухина в самом деле произвела очень сильное впечатление на Эккартсгаузена, хотя ко времени знакомства с ней он основательно начитался "внутренних" авторов; возможно, только "Пастырское послание" Гаутвица прошло мимо него. И, по мнению Антуана Фэвра, "Облако над святилищем" (1802) в значительной мере созвучно идеям русского любомудра³.

Таким образом, памятник Эккартсгаузену в Савинском был исполнен совершенно особого смысла.

¹ <Lopouchine I. V.> Quelques traits de L'Eglise interieure. Moscou, 1810, p. 5 note.

² Faire A. Eckartshausen et la théosophie chrétienne. Paris, 1969, p. 227.

³ Записки, с. 39.

"Мертвая голова" — памятник В. А. Лопухину?

*Когда б она цветущим, пыльным нам
И каждый час грозимым смертным часом
Все истины, известные гробам,
Произнесла своим бесстрастным гласом!*

Е. А. Боратынский

Ковальков дает весьма лаконичное описание этого символического сооружения — "иероглифа смерти", не связывая его с памятью какого-либо исторического лица.

"...Пошел далее, — пишет он, — увидел я камень, составляющий ступеньку у кресел под горою, на котором изображена мертвая голова.

Густота деревьев и поникшие их ветви придают некое величество сему месту и, кажется, образуют важность смерти между истинными христианами".

По-видимому, его же имеет в виду и А. Н. Греч, говоря о памятнике "дяде владельца масону Абр. Лопухину в виде пирамиды на пьедестале с черепом и скрещенными костями"¹.

Авраам Васильевич Лопухин (1774-1835) был много моложе хозяина Савинского и пережил его почти на двадцать лет. Конечно, допустимо вообразить, что назидательность сооружения носила адресный характер, но это предположение будет очень зыбким...

Развить тему позволяет анонимная заметка в журнале "Среди коллекционеров". Она сообщает, что к 1924 году два из оставшихся памятников Савинского — Экартсгаузену и В. А. Лопухину были перенесены в деревню². Если в инициалах не опечатка (можно было бы предполагать, что Лопухин увековечил память своего отца Владимира Ивановича, 1705-1797), то весьма вероятно, что монумент посвящен отцу Авраама, поручику Преображенского полка В. А. Лопухину, который хронологически как будто больше годится в двоюродные дядюшки Ивану Владимировичу... С 1729 по 1749 г. В. А. Лопухин был владельцем с. Комягино (Сергиево), что на р. Скалбе к востоку от ст. Пушкино и не в дальнем расстоянии от Савинского.

Есть, наконец, и еще одно предположение. Начертание букв *В* и *П* в XVIII в. было весьма схожим, и если допустить иную ошибку в прочтении инициалов, то сооружение можно считать посвященным памяти того самого боярина Петра Аврамовича Лопухина, который и купил Савинское за тысячу рублей, уплаченные серебряными копейками³.

Связывать памятник с действовавшей в Москве в начале XIX в. масонской ложей "К Мертвой голове" каких-либо оснований нет.

¹ Греч, с. 134.

² Среди коллекционеров. 1924, № 9-12, с. 45.

³ ДЮ. 1812, № 8, с. 83.

Памятник К. Кульману

*...Il admira que Behme eût prophétisé
des choses, dont il n'y avoit que lui
Kuhlman qui eût connoissance.*

P. Bayle¹

От "Мертвой головы" тропинка ведет к памятнику Квирину Кульману (1651-1689), который выполнен "в камне с изображением Крестов" (Ковальков). В начале XX века на нем еще ясно читалась надпись: "Остановись, прохожий, и вздохни о страдальце"².

Кульман в истории пиетизма — личность легендарная, овеянная ореолом мученичества. Он рано начал писать стихи, а познакомившись с сочинениями Я. Бёме, стал его последователем. Пророчества чешских хилиастов Х. Коттера, Н. Драбика, Х. Понятовской о скором начале тысячелетнего царствования Иисуса Христа возбудили у Кульмана (уроженца Бреславля, ныне Вроцлава) сознание своей особой религиозной миссии на земле. Сначала он отправился в Константинополь, чтобы обратить в христианство турок (1678), а потом, уже в Голландии, составил воззвание к русским царям (Петру и Ивану) и в 1689 сам привез его в Москву.

Поклонники Бёме, жившие в Немецкой слободе, с восторгом приняли Кульмана, но лютеранский пастор Иоахим Мейнеке, обеспокоенный брожением умов среди своих единоверцев, обратился за помощью к патриарху Иоакиму. Московское правительство заподозрило Кульмана в политических интригах и арестовало вместе с его ближайшим сторонником Кондратием Нордерманом. 4 октября 1689 года после пыток они были сожжены в срубе как еретики.

Между тем, среди радикальных пиетистов в Восточной Пруссии существовало убеждение, подогреваемое апокалиптическими ожиданиями в связи с концом столетия, что Кульман вот-вот воскреснет и совершит неслыханные чудеса...³

И. В. Лопухин, разумеется, не разделял религиозных фантазий Кульмана и его почитателей. Но твердо убежденный в том, что "слепоту разума должно исправлять просвещением разума"⁴, он решительно выступал против тех жестоких преследований, которым светская власть в конце XVIII века подвергла секту так называемых "духоборцев". "Жестокость не убеждает, — писал он, — только раздражает, или принуждает надевать личину, которая в религии хуже раскола. Лучше при усердном

¹ ...Он восторгался тем, что Бёме пророчествовал о вещах, которые были ведомы только ему, Кульману. П. Бейль (фр.).

² Греч, с. 134.

³ См.: Zaepfnick G. Ein Separatist wider Willen: Paul Friedrich Lehmann // Pietismus und Neuzeit. Bd. 21 - 1995, S. 253.

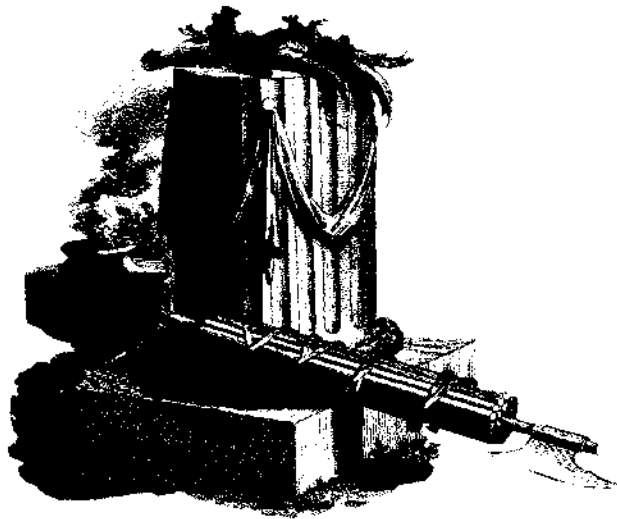
Об отношении к Кульману одного из признанных идеологов пиетизма Ф. Шпенера (1635-1705) см.: Clark J. P. "In der Hoffnung besserer Zeiten": Philipp Jakob Spener's Reception of Quirinus Kuhlman // Pietismus und Neuzeit. Bd. 12 - 1986, S. 54-69.

⁴ Записки, с. 138.

намерении угодить Богу от невежества заблуждаться в образе поклонения, нежели играть им в угодность людям"¹.

Во времена Лопухина существовала легенда, что движение духоборцев восходит именно к Квирину Кульману. Воздвигая в своем имении памятник знаменитому пиетисту, хозяин Савинского почтил двукратную жертву религиозных заблуждений – и ее собственных, и ее преследователей. Но тема Креста, как свидетельствуют размышления *Ковалькова*, все равно была здесь ведущей:

"Памятник *Кульману*, всякому, чувствующему истину и ищущему единого на потребу, без сомнения послужит напоминанием о внутреннем Кресте спасающем; будет внушать ему, что Христианство не заключается в словах и делах внешних; что Христианин не может быть без Креста, ежели станет стремиться к поклонению духом и истиною; что Крест есть источник спасения, воскресения в новую жизнь, и утверждение того Божественного сильного Имени, пред Коим все преклонит колено на небеси и на земли".

¹ *Записки*, с. 139.

БОЛЬШОЙ ОСТРОВ

*Там светится в кустах полусокрытый храм
И тень молодых берез, решеткой по стенам
Раскинувшись, чернеет;
А там у башни мост, отважно дугой
Реку перескочив, на зыби вод белеет.*

В. А. Жуковский

О Большом острове известно гораздо меньше, чем о Юнговом. С достаточной уверенностью можно только утверждать, что он близко соседствовал с "рыбачьей слободкой" и являл собой сочетание глубоких контрастов — кладбищенской меланхолии и безмятежного олимпийского спокойствия. Чтобы познакомиться поближе с этой частью парка, пройдем к нему от рыбачьих шалашей вместе с Воейковым и его спутниками.

"Взошли на пригорок, — рассказывает *Воейков*, — и увидели реку, а за нею на горе чисто отстроенную деревню и суконную фабрику". Вполне возможно, впрочем, что эта фабрика находилась не "за рекой", а за искусственно прорытым "рукавом", но для нас это не так значимо.

Далее Воейков с друзьями "повернули вправо", и им представился "зеленый курган с четверугольным мраморным камнем".

Церковный камень. Сельское кладбище

*Обычай прав, усопших важный сон
Нам почитать издревле повелевший.*

Е. А. Боратынский

Надпись на камне сообщала, — продолжает *Воейков*, — "что здесь стояла прежде церковь, а надгробные камни, серым мохом обросшие, — что мы находились на сельском кладбище".

Сев отдыхать "на мягкой дерновой софе", *Воейков* со спутниками слушали декламацию "Элегии" *Джона Грея* в раннем переводе *В. А. Жуковского*. Ее читал "молодой поэт *Б<о>р<аты>нский*". Для начала XIX века *Грей* — "второй *Юнг*", а его переводчик, автор "Светланы", несколькими годами ранее как замороженный бродил по острову *Юнга*...

Денницы тихий глас, дня юного дыханье,
Ни крики петуха, ни звучный гул рогов.
Ни ранней ласточки на кровле щебетанье,
Ничто не воззовет почивших из гробов.

На дымном очаге трескучий огонь сверкая,
Их в зимни вечера не будет веселить,
И чада нежные, приход их упреждая,
Не будут с жадностью лобзаний их ловить.

Как часто их серпы златую ниву жали,
И плуг их побеждал упорные поля!
Как часто их секир дубравы трепетали,
И потом их лица кропила земля!

Другой посетитель *Савинского*, *Д. И. Попов*, напечатал в "Друге юношества" стихотворение под названием "Ночь на кладбище. Элегия (Подражание *Грею*)"¹. Возможно, оно прямо и не связано с усадьбой *Лопухина*, но близость умонастроения и способов его выражения очевидны...

¹ ДЮ. 1811. № 2, с. 88-92.

Сцена из "Элегии" Грея

Березовая роща. Лицеум Сократа

*Ты можешь сам себя решить:
Почтенну ль быть тебе с Сократом
Или презренну с Геростратом?¹
Героем иль злодеем слыть?*

Г. Р. Державин

Воейков нашел в березовой роще памятник Платону, стоящий "в уединении". Ковальков, подолгу живший в Савинском и постоянно общавшийся с хозяином усадьбы, говорит: "Лицеуме Сократа", в котором или близ которого была еще и "бочка Диогена". Трудно предположить, что они описывают разные рощи: отделять Сократа от Платона невозможно, последнему как раз место в Лицеуме. Если Воейков спутал Сократа и Платона — что маловероятно, — все равно остается удивляться, почему он не заметил "бочки Диогена"...

Как бы там ни было, о памятнике Платону лучше говорить предположительно¹, а вот наличие в роще бюста Сократа сомнений не вызывает:

Здесь угрюмой озирался
С удивлением Сократ,
Истукан его шатался, —
Он бежать хотел назад.

(Долгорукий)

Возможно, гипсовый бюст афинского мудреца находился на временном деревянном постаменте, что вполне объясняет метафоры поэта.

Отношение к Сократу как своего рода "христианину до Христа" сложилось еще в средневековье, и в русской книжности XVIII — начала XIX вв. эта тема варьировалась постоянно. Так, князь Н. М. Кугушев (1777—после 1825) написал прозой "Разговор между Сократом и Волтером в Царстве мертвых"² и "Разговор между Сократом и Альфибадом" в стихах³, дав к последнему характерное примечание: "Разговор сей написан для детей моих". В том же журнале появилась и "Надпись к Сократову бюсту", правда, не блещущая поэтическими достоинствами, — но ведь и скульптуру Савинского парка ваял скорее всего не Шубин:

Учитель всех времен, учитель всех часов,
Языческий Мудрец, солдат и Философ,
Терпения пример и истины блюститель,
Надежный, верный друг, несчастных покровитель⁴.

¹ Слова Воейкова, что Платон был "учителем" Декарта, Лейбница, Канта не дают оснований для вывода о наличии в парке памятников этим мыслителям, который сделали составители "Нового путеводителя по Москве" (Ч. II. М., 1833. с. 357). Скорее всего, вслед за ними о памятнике Лейбницу пишут Греч (с. 134) и В. И. Новиков (Масонские усадьбы Подмосковья // Русская усадьба. Вып. 5 (21). М.: Жираф, 1999, с. 233).

² ДЮ, 1813, № 2, с. 127.

³ ДЮ, 1813, № 9, с. 94-100.

⁴ ДЮ, 1813, № 5, с. 136.

Бочка Диогена

...И бочку прикатил насмешник Диоген.

К. Н. Батюшков

К Лицеуму Сократа в смысловом отношении очень близка "бочка Диогена", знаменитого киника, своеобразного юродивого в языческом мире, решительно отвергавшего внешние формы богочитания — поклоны, жертвоприношения и т. д., а потому вполне подходящего на

роль провозвестника "внутренней Церкви". В этом отношении он был, можно сказать, антиподом Сократа, который, признавая единого Бога, считал необходимым уважать и исполнять народные религиозные обычаи. Согласно Диогену Лаэртскому (VI, 2, 54), Платон называл Диогена "безумствующим Сократом".

И. В. Лопухину, имевшему склонность прибегать время от времени к юродствующим интонациям и антрепризам, не говоря уже о "религии сердца", образ киника мог быть симпатичен. Долгорукий отнесся к нему не особенно приязненно:

Мимоходом возле бочки
Заглянул я и в нее.
Там прочел я две-три строчки:
Чувством добрым дышит все.
Чай лагун был завидной
Тот, в котором Диоген
Нагишом блажил, бесстыдной
На позор своих времен.

Статуи греческих богов

*Вижу точно Аполлона!
Вижу Дафну пред собой!*

Г. Р. Державин

Вполне естественно предположить, что статуи олимпийских богов, о которых идет речь в стихотворении *Долгорукого*, находились или в самом Лицеуме Сократа, или в непосредственной близости от него:

Сколь пленительна предметов
Разнородна всюду смесь!
Там затвор Анакoretов,
Аполлон с Олимпом здесь.

Для начала XIX в. подобные парковые скульптуры были делом достаточно привычным, и, возможно, по этой причине другие гости Савинского о них ничего не говорят.

Тем свободнее, однако, взор заочного посетителя усадьбы угадает в тенистом уголке парка¹ образ умирающего и воскресающего Диониса, бога виноградной лозы и плодородия, законные права которого уже *de facto* отстаивала философия тождества, впитавшая умозрения Бёме, Сен-Мартена и Эккартсгаузена и провозвещавшая философию мифологии и Откровения.

А вслед за ней, — хотя, правда, и не *propter hanc*, — сам *Распятой Дионис* недвусмысленно даст понять, что из его улыбки возникли олимпийские боги, а из его слез — люди...²

¹ Подобное представленному на фронтисписе книги.

² Ницше Ф. Рождение трагедии из духа музыки (1871).

ХРАМ ДРУЖБЫ – ПАМЯТНИК КНЯЗЮ Н. В. РЕПНИНУ

*Если б мои правила позволяли мне давать волю самолюбию,
то не просил бы я другой на гробе моем надписи,
кроме следующей: Он друг был Репнина.*

И. В. Лопухин

Фельдмаршал князь Николай Васильевич Репнин (1734-1801) был потомственным военным. С его именем связан ряд крупных побед русского оружия и успехов русской дипломатии. О благотворительности князя ходили легенды.

Делами исполнитель веры:
Великодушны примеры
Его все мысли наполняют
И Бог его благословляет... —

писал о нем Державин¹.

Внутреннему обращению Репнина на путь христианского подвижничества способствовало, как рассказывает его жизнеописатель, близкое общение с Егором Егоровичем Гине, одно время состоявшим адъютантом полководца². Мало кому известный мастер стула московской ложи "Трех знамен" в свое время сумел настолько просто и убедительно изложить суть "пиегистской веры" госпоже Крюднер, что по сути дела определил направление деятельности одной из влиятельных участниц мистических движений Александровской эпохи³. Сказанное, впрочем, не означает, что именно Е. Е. Гине привлек Репнина в общество розенкрейцеров⁴. Среди русских мартинистов Репнин по своим

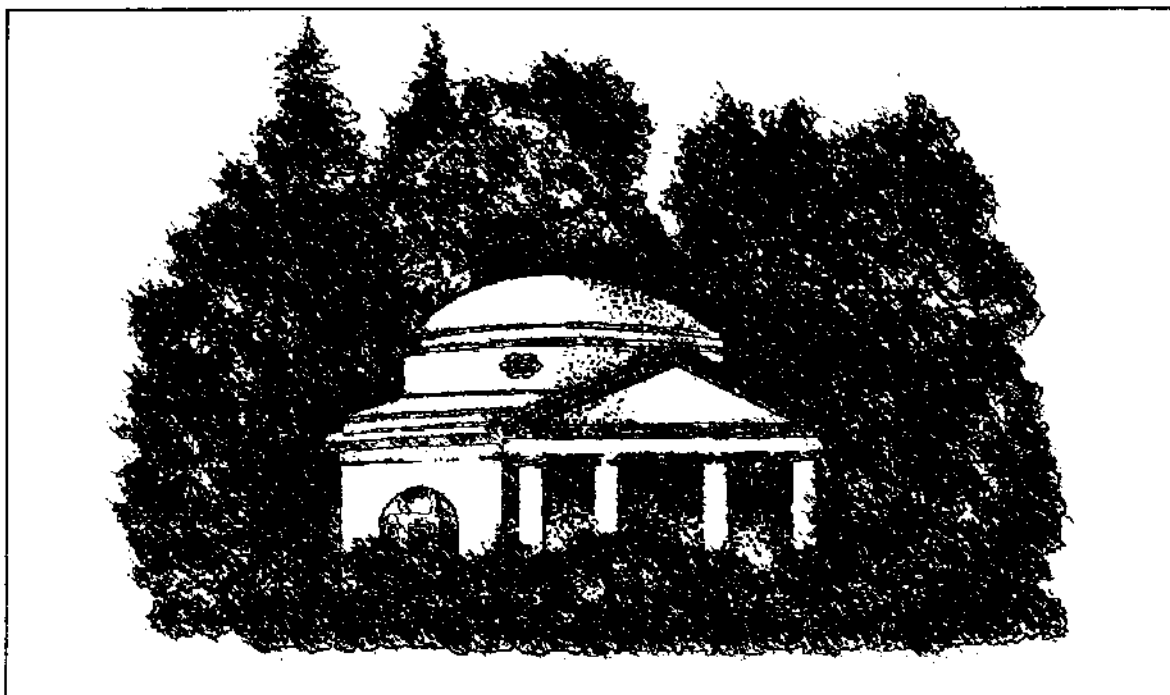

¹ Державин Г. Р. Памятник Герою (1791). — Сочинения. Т. 1. СПб., 1864, с. 434.

² Попов Д. И. Князь Николай Васильевич Репнин // ОР РГБ, ф. 237, № 38, л. 143 об.-145. Послужной Список Е. Е. Гине см. в кн.: Письма Н. И. Новикова. СПб., 1994, с. 317.

³ Попов Д. И., цит. соч., л. 178 об.-179.

⁴ Это было делом Шрёдера. См.: Массонская клятва фельдмаршала князя Репнина // РА, 1878, № 10, с. 250.

умозрениям был ближе всего к Лопухину и Краевичу, т. е. держался направления нравственно-аскетического и сторонился выпяренной метафизики и натуралистического магизма.

Хотя лично кн. Репнин и не встречался с Сен-Мартеном, но долго "состоял с ним, — как пишет Д. И. Попов, — в искреннем сердечном дружестве и имел у себя много манускриптов этого писателя"¹. Переписывался он и с Фридрихом Великим, у которого, как известно, были широкие религиозно-философские интересы.

О том, насколько высоко ценил Репнина Лопухин, свидетельствует его статья, в которой он ставит своего друга рядом с архиепископом Камбрейским².

При жизни князя стараниями все того же Лопухина увидели свет лишь его "Разные рассуждения" ("Pensées diverses") в сборнике "Les fruits de la Grâce" (1790), вместе с письмами Н. А. Краевича. Среди его рукописей, сгоревших во время пожара 1812 г. в московском доме Лопухина, упоминаются такие сочинения, как "О спасительности св. Евхаристии" (на фр. языке) и "О именах Божиих" (по-русски). Кое-что из наследия покойного друга Лопухин опубликовал в журнале М. И. Невзорова. Кроме упомянутого выше "Разговора о Политике", это размышления на слова молитвы "Отче наш" и "Разные рассуждения для себя"³.

* * *

Храм Дружбы, стоявший у самой воды и смутно запечатленный на предреволюционной фотографии⁴, в 1924 г. представлял собою груды развалин⁵. А. Н. Греч, успевший осмотреть его до разрушения, оставил следующее описание этого сооружения:

"Храм дружбы — четырехугольное здание под куполом на низком барабане, прорезанном круглыми световыми люкарнами, с трехчастными окнами в стенах и четырехколонным портиком тосканских колонн. Этот павильон, близкий к аналогичным парковым сооружениям

¹ Попов Д. И., цит. соч., л. 177. Попов был убежден, что они виделись в Париже, но Сен-Мартен подтверждает только факт заочного знакомства. — *Saint-Martin L. C. de Mon portrait historique et philosophique (1789-1803)*. Paris, 1961, p. 129.

² Лопухин И. В. Примеры истинного геройства, или Князь Репнин и Фенелон в своих собственных чертах // ДЮ, 1813, № 3, с. 1-102.

³ ДЮ, 1813, № 3, с. 82-102; ДЮ, 1813, № 6, с. 1-11; № 7, с. 1-16.

⁴ Русская усадьба. Вып. 4(20). М., 1998, с. IX.

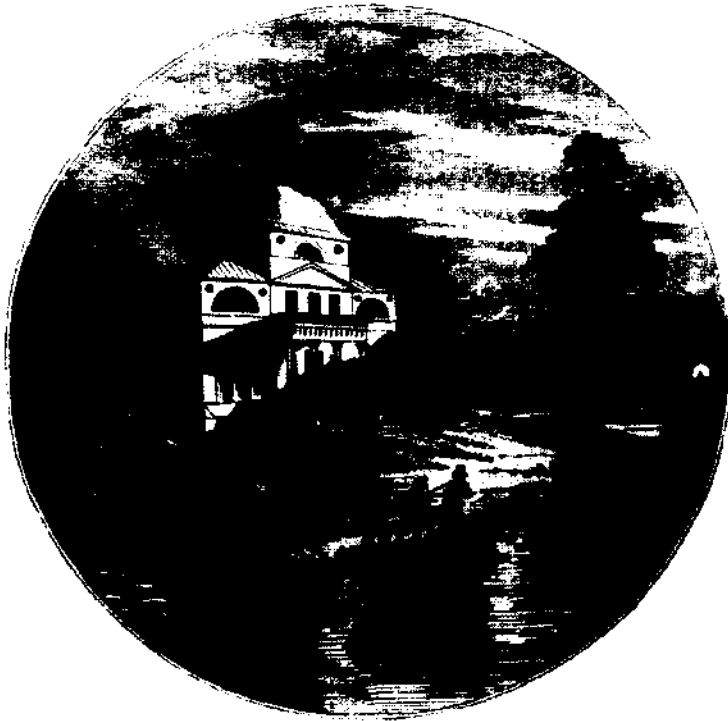
⁵ Среди коллекционеров, 1924, № 9-12, с. 45.

Еголова в Царицыне, чрезвычайно живописно рисовался среди зелени густо и дико раскинувших свои ветви деревьев, отражаясь, как на картине, в зеркальной воде главного озера. Мраморная доска, вделанная в архитрав, конечно, давно уже похищенная, сообщала, что этот "Храм Дружбы" посвящен владельцем кн. Н. В. Репнину"¹.

По сообщению М. И. Невзорова, на портике храма "золотыми буквами" было написано: *Памяти Князя Николая Васильевича Репнина, изящными чувствами дружбы и всеми геройскими доблестями истинно великого, имевший честь быть другом его, владельцу здешнего селения, сей Дружбы храм посвятил 1801 года*².

Как следует из рассказов Попова и Ковалькова, Храм Дружбы находился не на Юнговом острове, а в другой части парка, у самой воды. От него хорошо просматривалась Рыбачья слободка.

Кажется вполне естественным допустить, что с идеей этого храма непосредственно связан посвященный И. В. Лопухину и Н. В. Репнину панегирик И. Андреева под названием "Несколько слов о дружбе"³.

¹ Греч, с. 133.

² ДЮ, 1812, № 8, с. 144.

³ ДЮ, 1813, № 7, с. 88-92.

РЫБАЧЬЯ СЛОБОДКА. ОСТРОВ ЛОМОНОСОВА

*Бежит волна, шумит волна!
Задумчив, над рекой
Сидит рыбак: душа полна
Прохладой тишиной.*

В. А. Жуковский

От Храма Дружбы открывался вид на рыбацью слободку, состоявшую из нескольких островков, на которых, по сообщению М. И. Невзорова, "построены шалаши с разными видами рыбацкого жилья"¹. Они были "одеты берестю" (Войков).

Вон рыбацкая слободка,
Всякой ествой стол закрыт;
То-то жадному находка —
Беспременно был бы сыт.
Без чудес моляр все лица
Разных рыб живописал:
Так в Сидоне у вдовицы
Водонос не убывал.

(Долгорукий)

Муляжи рыб составляли, таким образом, часть экспозиции этого этнографического музея под открытым небом. В других местах парка встретятся и "русский пахарь", который тащит сноп к "поддельному овину", и другие затеи. Но сети, удилица и прочая утварь, помимо своего прямого назначения, напоминали и о евангельских мотивах — о рыбаках-апостолах, "ловцах человеков".

"Смотря на хижинки рыбацки, нечувствительно представляются сердцу Апостолы, сии орудия и истинные Герои внутренней Церкви", — писал 3 августа 1812 г. Ковальков, прогуливавшийся в этой

части парка, "с любезною книгою, читая жизнь славного Теннгардта"².

¹ <Невзоров М. И.> Прим. издателя к статье: <Ковальков А. И.> Мысли о простоте и смирении в стране любезной простоты // ДЮ, 1812, № 8, с. 144-145.

² ДЮ, 1812, № 8, с. 142. О биографии Теннгардта, как и о его собственных сочинениях в русском переводе, у меня сведений нет. Единственная близкая по тематике книга: Eisler T. Apologia Tenngartiana. 1724. Впрочем, вышедшие тремя изданиями (1801, 1820, 1821) "Краткие рассуждения о важнейших предметах жизни христианской" являются, по сообщению А. Галахова (ЖМНП, 1875, XI, с. 102 прим.), сделанной Теннгардтом выборкой из сочинений Таулера.

Другой мотив был связан с воспоминаниями о знаменитом сыне рыбака-помора, национальной гордости России, ее первом ученом-энциклопедисте и поэте:

Среди неводов и мрежей
Опрокинутый челнок
Возвещает кистью свежей
Как зовут сей островок.
Славься вечно, Ломоносов,
Знаменитый рыболов!
По витийству — слава Россов,
А по лире — сын богов.

(Долгорукий)

Эту поэтическую картинку дополняет подробная справка М. И. Невзорова. Один из островов "называется остров Ломоносова, — пишет он, — потому что на нем памятник сему знаменитому Мужу, сделанной в самом простом и особенном вкусе. На берегу, возле большого дикого камня, опрокинута ветхая лодка, на которой следующая надпись: — "Михайлу Васильевичу Ломоносову на возвратном пути из чужих краев в Отечество единожды приснилось, что видит выброшенного по разбитии корабля отца своего на необитаемом острове в Ледовитом море, к которому в молодости своей был некогда занесен бурей; и по его точному и подробному, из сна сего, описанию положения и вида берегов одного пустого о-ва подлинно нашли там тело отца его, поехавшего на рыбной промысел, ибо он рыбак был; и погребши возложили на могилу большой камень. См. "Жизнь М. В. Ломоносова"¹. Напоминание достопамятного сновидения сего великого Пнита и Ритора да будет и ему здесь памятником! А притом да заставит помыслить, сколь не глубоки толки и знания в школах о душе и действиях в ней"².

Для русских мартинистов Ломоносов был символом национальной науки, его труды — образцом мудрого и пытливого чтения "книги природы", находящегося в согласии с христианской верой.

"Создатель, — писал Ломоносов, — дал роду человеческому две книги. В одной показал свое величество, в другой свою волю. Первая видимый сей мир, Им созданный, чтобы человек, смотря на огромность, красоту и стройность его зданий, признал божественное всемогущество по мере себе дарованного понятия. Вторая книга Священное Писание. В ней показано Создателяво благоволение к нашему спасению"³.

¹ Имеется в виду сочинение М. И. Веревкина "Жизнь покойного М. В. Ломоносова" в кн.: Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Ч. 1. СПб., 1784.

² Невзоров М. И., цит. примеч., с. 144-145.

³ Ломоносов М. В. Полн. собр. соч. Ч. 3. СПб., 1784, с. 258.

РУИНА

*Иду... к развалинам дорожки
Вдоль берега привела меня.*

В. А. Жуковский

Искусственные руины, развалины — весьма распространенный элемент парковых ансамблей XVIII века. Руины не только напоминают о бренности земного бытия, тщете человеческих страстей, они дают также возможность пережить чистую радость острого созерцания, сознания непрекращающейся жизни "после конца истории"¹. Этим, возможно, так притягивали гравюры знаменитого Пиранези.

Руина была хорошо видна "между рощами" на другом берегу реки от того места, где находились Крест и "Мертвая голова" (Ковальков). В зримом сопряжении этих символов *Русский Юнг* видел особый смысл:

"И как подобие сие живо представляет истинный свой предмет! ибо разрушение соединяется с смертию тела, так как разрушение и умерщвление ветхости сообщается посредством скорбного пути крестного с блаженным умиранием о Господе, приносящим мир и тишину небесную. <...>

Священная таинственная темнота веры, действующая в совлечении ветхого, представляет сердцу моему в густой тени, окружающей камень изображения смерти, а пространство воды узкая тропинка к *Руине*, между деревьев лежащая на противоположном берегу, указывает и напоминает, сколь тесен путь к умерщвлению всего ветхого и к смерти сему миру..."

Воейков со спутниками направлялись к Руине из березовой рощи и, возможно, вышли именно на эту тропинку, но в настроении не столь мистическом.

"Через подъемный мост, висящий на цепях, — повествует *Воейков*, — приблизились мы к развалившемуся Рыцарскому замку: на воротах одной башни, которая устояла против времени изваянный из чистого паросского мрамора лик Спасителя привел нас в умиление".

Отсюда, уже "на плотике", добрались они на Юнгов остров...

¹ См. также: Докучаева О. В. Искусственные руины в русских увеселительных садах второй половины XVIII — начала XIX вв. // Русская усадьба. Вып. 5 (21). М., 1999, с. 39-46.

ХИЖИНА РУССО

В новейшие времена Руссо, одаренный великим гением... нигде не обретал благополучия, ибо всю жизнь искал его не там, где надлежало.

К. Н. Батюшков

Тропа от памятника Фенелону приводит "на берег озера", на противоположном берегу которого "обратит на себя взор твой хижина Жан-Жака Руссо, — рассказывает Ковальков. — Приятная ее наружность соединяет в себе все изящество сельской простоты. Она стоит на самом краю маленького залива, и вся сила ветра не возмущает для нее зеркала, в коем она являет отражение величия, от истинной простоты происходящего. Не доказывает ли сие, что простота есть корень всей любезности?"

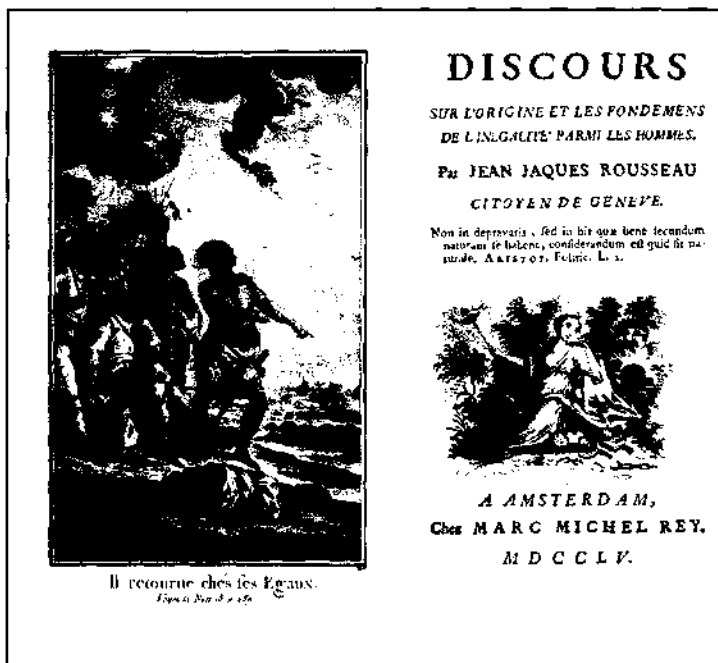
Описание Попова более подробно. Он говорит не о "хижине", а о "беседке" Руссо "с бюстом и надписями". Конечно, с точки зрения внутренней идеи, идеологу природной простоты и естественности больше подошла бы "хижина", но ей в подобающем "натуральном" виде трудно придать долговечность. Поэтому остается предположить, что либо роль хижины выполняла вполне традиционная по форме беседка, либо что последняя была известным образом стилизована.

Достоверно мы знаем только, что в ней или перед ней находился "гипсовый" бюст Руссо:

Тут Жан-Жаков образ славной
В бездыханном гипсе зрю;
Жив Философ благонравной.
С ним я духом говорю.

(Долгорукий)

По сторонам постамента или беседки имелась, как сообщает Попов, надписи. С одной стороны: *La plus sauvage solitude me parait préférable à la société des mechants* <самое дикое одиночество мне кажется предпочтительнее общества негодяев>, а с другой: *Celui-là est véritablement libre, qui n'a pas besoin de mettre le bras d'un autre au but des siens pour faire sa volonté* <истинно свободен тот, кто не имеет нужды использовать руку другого для помощи себе, чтобы осуществить свое желание>.

Жан-Жак Руссо (1712-1778) был подлинным властителем дум XVIII столетия. Развернутая им критика цивилизации, идеал возвращения к природной простоте и изначальному равенству всех людей пленяли умы представителей различных сословий, поэтов, философов, художников.

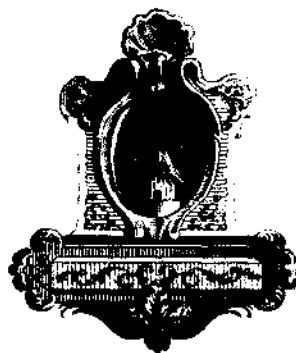
Россию это увлечение миновать не могло. Только отдельными изданиями, не беря в расчет журнальных публикаций, в Екатерининскую эпоху вышло около двадцати книг женеvского философа.

И. В. Лопухина особенно привлекала в Руссо его душевная привязанность к Фенелону. Достаточно вспомнить известное высказывание автора "Эмиля" о желании быть "камердинером" Камбрейского архипастыря, которое цитирует В. А. Жуковский.

По мнению ряда исследователей, мировоззрение Руссо в немалой степени представляет собой натуралистическую редукцию и ультрапелагианское переосмысление идей Фенелона, отягощенное социально-утопическими иллюзиями¹.

Критическую фазу в отношении к руссоизму пережил и Лопухин, особенно в тот период, когда Великая Французская революция дала трагически-гротескное развитие эгалитарным умозрениям. Об этом свидетельствует его книжка "Замечание на известную книгу Руссоу *Di contrat social*" (М., 1805), которую, впрочем, отчасти предварил сборник под названием "Излияние сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства и буйной свободы" (М., 1784).

Все это не помешало хозяину Савинского до конца дней сохранить сердечную привязанность к эрменонвильскому отшельнику, который все-таки старался строить свою жизнь в уединенном размышлении и исследовании природы "почти по примеру Фенелона"².

¹ См., напр.: *Spraemann R.* Reflexion und Spontaneität. Studien über Fenelon. Stuttgart. 1963, S. 154-158; *Zovatto P.* Fénelon e il quietismo. Udine, 1968, p. 375-382 (App.: Rousseau e Fénelon).

² Слова Руссо, цитируемые в статье: *Восленский И.* Рассуждение о пользе физики // *ДЮ*, 1810, № 2, с. 19.

"КИТАЙСКИЙ ЦВЕТНИК". ГРОБНИЦА КОНФУЦИЯ

*Всегда разборчива, правдива,
Нигде и никому нельстива,
О строгого Кунгдзая Муза...*

Г. Р. Державин

Местоположение "китайского отделения" Савинского парка, согласно описанию Ковалькова, можно определить только отрицательно: оно не на Юнговом и не на Большом острове, а просто "среди приятнейших садов". Скорее всего, это отделение не было слишком большим, и его вполне допустимо представлять в виде изящного цветника:

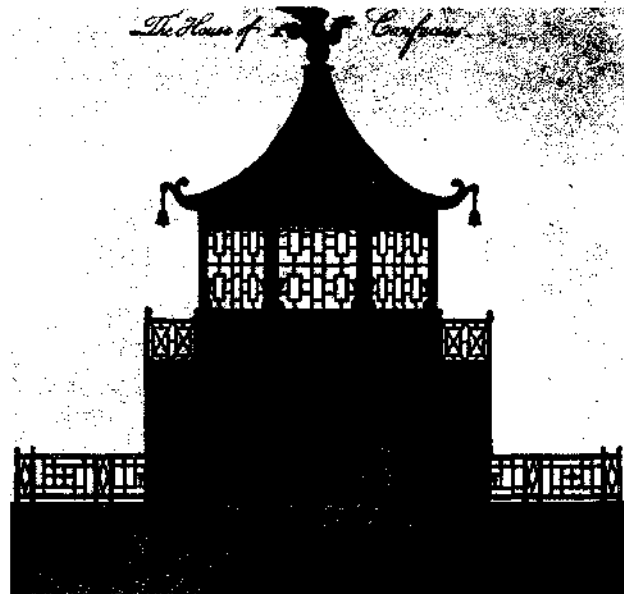
Вот Китайская граница
И Пекин в моих глазах,
Вот Конфуция гробница,
Как невеста, вся в цветах.

(Долгорукий)

О "гробе" Конфуция пишет и Ковальков, а Д. И. Попов предпочитает называть памятник "беседкой". Возможно, это и в самом деле был небольшой открытый павильон в виде беседки, в котором располагалась символическая гробница древнекитайского мудреца, жившего в одно время с Буддой и столетием раньше Платона.

Какие же смысловые энергии излучал в "пантеоне пиетизма" памятник великому Учителю Мудрости Кун-цзы?

Далекий и загадочный Китай с середины XVII века оказывал устойчивое воздействие на художественные вкусы и религиозно-философские представления

европейцев. Вслед за потерей некогда казавшейся незыблемой геоцентрической картины мира (процесс над Галилеем был последней отчаянной попыткой удержать ее как звено религиозной метафизики), христианской культуре стала грозить и утрата сознания исторической исключительности: знакомство с текстами Конфуция, Лао-цзы и других мыслителей, переведенными иезуитами-миссионерами, вызвало много недоуменных вопросов и дискуссий.

Откуда у китайцев столь возвышенные философские представления? Не была ли когда-то их страна колонией египтян? Где границы "естественного откровения" и как соотносится добродетель с религиозными воззрениями?

В 1667 г. вышли уже вторым изданием "Памятники Китая" вездесущего Афанасия Кирхера. Первое жизнеописание Конфуция увидело свет в 1673, а в 1687 появился перевод его изречений, в предисловии к которому отец иезуит Филипп Купле называет китайского мыслителя *мудрейшим учителем и оракулом как нравственной, так и политической философии в равной мере* — "Sapientissimus et moralis philosophiae pariter ac politicae magister et oraculum"¹.

Нельзя сказать, однако, что европейские мыслители легко и адекватно разобрались в важнейших темах китайской философии. Фенелон, например, не заметил в даосизме важных параллелей с квинетизмом; Руссо проглядел здесь идеал "человека природы". В то же время, воодушевленное увлечение китайцами отмечается на самых разных полюсах идейных исканий. Так, Христиану Вольфу (у которого, кстати говоря, и Ломоносов учился) его речь "О практической философии китайцев" (1721) стоила обвинений в атеизме и изгнания с профессорской кафедры в Галле. Это было делом рук пиетистов, хотя один из вождей движения, А. Франке, проявлял огромный интерес к Китаю и переписывался на сей счет с Лейбницем.

Богословский факультет Парижского университета, захваченный идеями молинизма², увлекается одновременно и Конфуцием и идет дальше Вольфа в оценке "естественной религии". Вольтер, со своей стороны, активно использовал китайский материал в борьбе с суевериями и благоглупостями клерикализма.

В России о Китае и китайских мыслителях в XVIII веке тоже были осведомлены неплохо. В 1776-78 гг. в шести томах вышли "Записки, надлежащие до истории, наук, художеств, нравов, обычаев и проч. китайцев", в 1780 — "Описание жизни Конфуция" и два тома конфуцианского свода "Сы шу геи, то есть четыре книги с толкованиями. Кн. 1: Философа Конфуциуса Да хю, то есть Учение великое; Кн. 2: Джун юн, то есть Закон непреложный. Из преданий китайского философа Кун Дзы". В 1790 появилось "Житие Кунг-Тсеэа или Конфуциуса" Амио, а в 1793 — "Зороастр, Конфуций и Магомет" Клода Пасторе. Немало было и антологических изданий с такими названиями, как "Китайский мудрец", "Китайские мысли", "Китайские поучения" и т. д.

Таким образом, появление "гробницы Конфуция" в Савинском парке — не случайный каприз, а свидетельство заинтересованного внимания русских мартинистов к представителям восточного любомудрия, загадки которых пытался разрешить век Просвещения. И — как знать! — не считал ли Лопухин возможным, вслед за И. Ф. Майером³ и Ж. К. де ла Крозом⁴, искать внутреннее родство между философией Кун-цзы, квинетизмом и исихазмом?⁵

¹ Reichwein A. China und Europa. Geistige und künstlerische Beziehungen im 18 Jahrhundert. Berlin, 1923, S. 25-26.

² Луи Молина (1535-1600), которого не следует путать с основателем квинетизма Молиносом, в своем учении о благодати и предопределении противостоял августинизму и сближался с восточными отцами.

³ Mayer J. F. De quietistarum persecutionibus Dissertatio. Hambourg, 1688.

⁴ Croze J. C. de la: 1) Trois lettres touchant l'état present de l'Italie écrites en l'année 1687. Cologne, 1687; 2) Recueil de diverses pièces concernant le quietisme... Amsterdam, 1688.

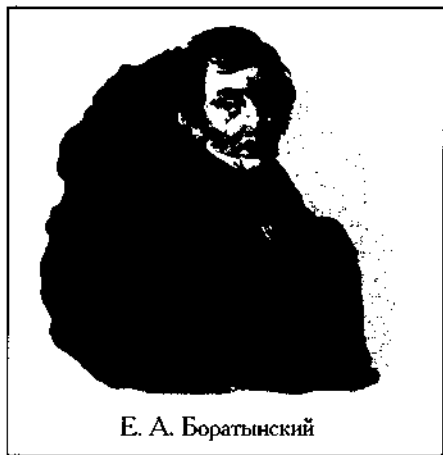
⁵ Примечательно, что в духовно-академической среде интерес к китайской философии достаточно устойчив. Так, в архиве Ф. А. Годубинского, хорошо знакомого с пиетистской книжностью, имеется неопубликованный перевод "Дао да цзин а" (ОР РГБ, ф. 76, № 5.1). См. также: Персианов Г., *прот.* Сущность конфуцианства. Диссертация на соискание ученой степени кандидата богословия. Загорск, 1988. Машинопись: Гаврюшин Н. К. От "Чжунцзы" к "Добротолубию"? Богословский вестник. Сб. науч. трудов. Вып. III. Сергиев Посад, 2000, с. 75-93.

МУРАНОВО И САВИНСКОЕ: БОРАТЫНСКИЙ И СЕН-МАРТЕН

*Перед промыслом оправданным ты ниц
Падешь с признательным смиреньем.
С надеждою, не выходящей границ,
И утоленным разуменьем...*

Е. А. Боратынский

Рассказ Воейкова о том, что двенадцатилетний Боратынский декламировал в Савинском "Элегию" Грея в переводе Жуковского, воспринимается скорее всего как апокриф, хотя сам поэт его нигде не опровергал. Возможно, они посетили усадьбу Лопухина в начале 20-х годов, а Воейков просто объединил две поездки в одну.

Е. А. Боратынский

Как бы там ни было, внутренняя связь мурановского анахорета с духовной атмосферой Юнгова острова не может быть оставлена без внимания. Правда, в его сочинениях и переписке как будто вовсе нет упоминаний о мистических писателях, представленных в "пантеоне пнетизма", и даже лиц из окружения И. В. Лопухина, за исключением, пожалуй, А. И. Тургенева.

И все же в творческой биографии Боратынского есть одно событие, достаточно очевидно указывающее на его знакомство с кругом чтения русских мартинистов. 22 ноября 1820 года в Вольном обществе любителей российской словесности "слушали в прозе" сочинение

Боратынского "О заблуждениях и истине". Оно было "одобрено" и вскоре опубликовано в "Соревнователе просвещения и благотворения" (март 1821)¹.

У большинства участников заседания этюд Боратынского не мог не вызвать ассоциаций с одноименной книгой *Неизвестного Философа* — "Des erreurs et de la verité, par un philosophe inconnu" — первым произведением Сен-Мартена. В 1785 г. в типографии И. В. Лопухина вышел в свет его русский перевод: "О заблуждениях и истине, или воззвание человеческого рода ко всеобщему началу знания", а в 1790 г. в Туле Пафнутий Сергеевич Батурин выпустил против него анонимный критический памфлет "Исследование книги о заблуждениях и истине".

То, что в тексте Боратынского нет прямых упоминаний этих сочинений, отнюдь не означает,

¹ Песков А. М. (сост.). Летопись жизни и творчества Е. А. Боратынского. М.: Новое литературное обозрение, 1998, с. 101.

что он не был с ними знаком. Не следует забывать, что официально книга Сен-Мартена оставалась под запретом. Еще в 1786 г. Платон, будучи московским архиепископом, по указу Екатерины II рассматривал новиновские издания и отнес книгу Сен-Мартена под номером первым к числу "сумнительных" и могущих "служить к разным вольным мудрованиям, а потому к заблуждениям и разгорячению умов"¹, а оставшиеся нераспроданными ее экземпляры были конфискованы в московских книжных лавках². Ни исключенный из Пажееского корпуса и только что переведенный в унтер-офицеры Боратынский, ни Вольное общество любителей российской словесности после доноса В. Н. Каразина не были расположены давать пищу слухам о своей близости к артистам или иллюминатам...

Вопрос о том, что дало Боратынскому знакомство с Сен-Мартеном, нуждается в отдельном изучении. По-видимому, метафизические построения Неизвестного Философа, которые поэт не раз мог обсуждать с князем В. Ф. Одоевским, исподволь крепили и питали один из ведущих мотивов его лирики. Выявляя и сопоставляя антиномии бытия, он обретал истинный покой в мысленном их трансцендировании... В то же время, контрапунктические умозрения Сен-Мартена были, возможно, значимы для него как некая квазипоэтическая форма передачи определенного религиозного настроения, которое далеко не каждому дано испытать: много званых, но мало избранных (Мф. 20, 16). С Неизвестным Философом поэта несомненно роднило стремление к благоговейному хранению своей "внутренней лампы" и глубочайшее переживание тайны понимания:

Знай, внутренней своей вовеки ты
Не передашь земному звуку
И легких чад житейской суеты
Не посвятить в свою науку.

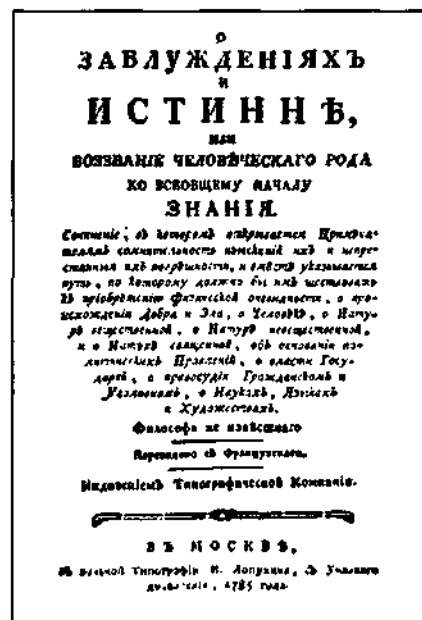
Сердце Сен-Мартена леденело от встреч с версальскими братьями, "посвященными лишь формально". За несколько дней до смерти он вполне определенно выразил обостренное сознание своего религиозного одиночества, а может быть, точнее сказать, подлинный идеал монашества. "Единство отнюдь нельзя найти в сообществах. Оно обретается только в нашем индивидуальном соединении с Богом"³. Духовные искания Боратынского вели к такому же выводу. Он "дни извел, стучась к людским сердцам", но, не услышав ответа, "отвергну струны". Пророческое сознание поэту совершенно чуждо, он далек от мысли "глаголом жечь" суетную толпу. Став на путь одиночества, "таинство печали полюбя", Боратынский резко противопоставляет религиозное избранничество поэтическому творчеству:

Опрокинь же свой треножник!
Ты избранник, не художник!
Попеченья гений твой
Да отложит в здешнем мире:

¹ Лонгинов, с. 036.

² См. каталог, т. III, с. 108, № 6424.

³ Matter M. Saint-Martin, le Philosophe Inconnue. P., 1862, p. 342.

Там, быть может, в горнем клире,
Звучен будет голос твой!

Служенье муз для него — лишь добровольно избранная земная забота, паллиатив житейского волнения:

Жизнь для волнения дана; жизнь и волнение — одно.
Тот, кого миновали общие смуты, заботу
Сам вымышляет себе: лиру, палитру, резец.

В лучшем случае творчество — временное лекарство души:

Болящий дух врачует песнопенье...

Для Боратынского, несомненно, есть ценности, перед которыми камни безоговорочно отступают: это супружеская любовь, тишина сердца, размышления о "несрочной весне", соединяющей *полноту жизни с вечным покоем*. Созерцание для него бесконечно выше творческого волнения, "День Седьмой" — неоспоримый венец "шестодневу". Поэтическое вдохновение порой просто мешает ему "дышать любовью в тишине", совершать *таинство безмолвия* в лучах закатного солнца:

И отрываюсь, полный муки,
От музыки, ласковой ко мне,
И говорю: до завтра, звуки,
Пусть день угаснет в тишине.

К этим ценностям, столь сродным идеалам квиетизма и исихазма, Боратынский пришел именно через сознание религиозного избранничества, готовясь петь "там", "в горнем клире".

Там — означает "за гробом", *по ту сторону смыслов*, привычных чувственных образов — *театра теней*, — лицом к Нетварному Свету, непокровенному лику Изиды... *Там* — значит

...в том мире, за могилой,
Где нет образов, где нет
Для узанья, друг мой милый,
Здесьних чувственных примет.

Как истинный любомудр, избравший бытие остраненное, странническое и для внешних, конечно, *странное*, он постигает искусство умирания, *ars moriendi*. Благодаря ему, поэт "позабыл, как бы во гробе./ Но добровольно, шумный свет", приучив себя смотреть на мир словно из-за могильной плиты:

Вотще! я чувствую: могила
Меня живого приняла,
И, легкий дар мой удушая,
На грудь мне дума роковая
Гробовой насыпью легла.

Постигнутому через метафизическое умирание *бытию по ту сторону смыслов*, запредельному состоянию *coincidentiae oppositorum*, совпадения противоположностей, в мире посюстороннем более всего *соответствует молчание*, исихия, сохранение тишины сердца. В сфере поэтической к нему ближе всего образы воспетой Юнгом "ночи", "зимы", "смерти". Для посвященных "неформально" они являются провозвестниками "дня Господня", "несрочной весны" и вечной жизни.

Таинство печали запечатлевается в душе *ночью*; образы *смерти* действеннее всего во *тьме*, при зажженных свечах... Ночь соотносима с "немотствующей пустыней" и вечным покоем.

"Ночь" и "зима" для поэта — образы и символы смерти; они знаменуют разрешение противоречий посюстороннего бытия, утишение страстей.

Со смертью жизнь, богатство с нищетой —
Все образы години бывшей
Сравнятся под снежной пеленой,
Однообразно их покрывшей...

И в то же время они указуют на *свое иное* — на "вечный день" и "вечную весну". "Зима" — вестник того мгновения, когда "обители духов откроются врата". Ее образ неразрывно связан с верой в "несрочную весну":

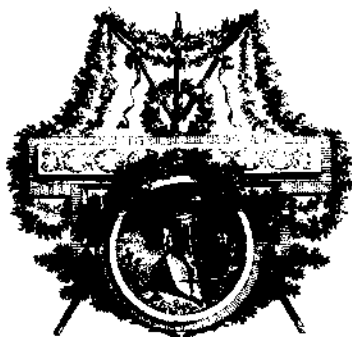
Уж та зима главу мою сребрит,
Что греет сев для будущего мира...

Точно так же "смерть" воспринимается не как враг, а как мудрый наставник; смысл ее двойственен, диа-лектичен:

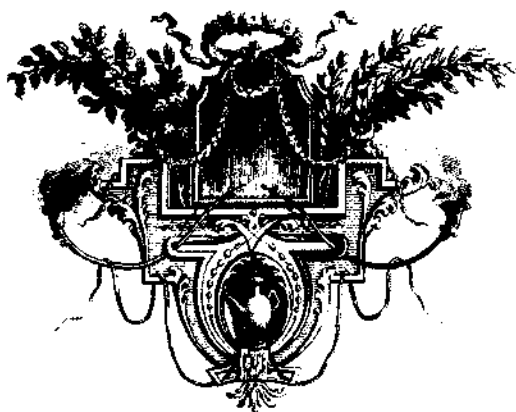
Смерть дочерью тьмы не назову я
И, раболепно мечтой
Гробовый остов ей даруя,
Не ополчу ее косою.

О дочь верховного эфира!
О светозарная краса!
В руке твоей олива мира,
А не губящая коса.

Как близки и понятны были бы эти строки задумчивым посетителям Юнгова острова, читателям Бёме, Фенелона и Сен-Мартена!

ПРИЛОЖЕНИЕ

И. М. Долгорукий
ПРОГУЛКА В САВИНСКОМ*¹

Закатилось солнце красно,
Месяц встал — и побледнел,
Небо вызвездело ясно,
Мой соловушка запел;
Лес дремучий за ветвями
Спрятал птичек от ружья,
И в тени между кустами
В омут свой текла струя.

Я, замучен злой тоскою
И неправдою людей,
Шел безвестною тропюю
Ныть украдкой от друзей.
И внезапно очутился
Я в волшебной стороне;
Протирал глаза, крестился,
Уж не грезится ли мне.

Там нашел я сад обширной
В островах между дорог,
В чувстве сельской жизни мирной
Чистым сердцем зрится Бог. —
Там все Веры возношенье,
Истой мудрости отлив,
Каждой взгляд — есть поученье,
Каждой шаг — нероглиф.

*Поместье И. В. Лопухина близ нашей подмосковной, где и стихи сии писаны.

¹ Впервые опубликовано: ДЮ, 1812, № 7, с. 77-83. Печатается по: Долгорукий И. М. Бытие сердца моего, или стихотворения князя Ивана Михайловича Долгорукого. Ч. 1. М., 1817, с. 149-153. Подстрочные примечания автора сохранены. Иван Михайлович Долгорукий (1764-1823) — поэт, мемуарист.

Там во храмине широкой
 При потоке чистых вод
 Открывается высокой
 На столпах четырёх свод;
 Он Героя вспоминает,
 Богатырской век златой,
 Репнина изображает
 Имя яркою чертой.

Тут Жан-Жаков образ славной
 В бездыханном гипсе зрю;
 Жив Философ благонравной,
 С ним я духом говорю;
 На стенах вокруг читаю
 Любомудрия устав;
 Им свой разум просвещаю,
 Образую гибкой нрав.

Здесь угрюмой озирался
 С удивлением Сократ,
 Истукан его шатался, —
 Он бежать хотел назад.
 Сколько Север ни гордится
 Поднебесною своей,
 Щастлив тот, кому родиться
 Там случилось, где теплей!

Там за мрачными волнами
 Юнгов остров, — тут он сам;
 Меланхолия с слезами
 Пред ним деет фимиам;
 Ночь ему и мертву служит
 Вдохновением своим:
 Он в кумире даже тужит
 И печаль висит над ним.

Ужас вдруг вселился в чувства,
 Сердце дрогнуло во мне!
 В куклах разного искусства
 Мысль моя наедине
 Тени мертвых возбуждала,
 И сладчайшею мечтой
 Зренье, слух и речь давала
 Им подобные со мной.

Вот Китайская граница
 И Пекин в моих глазах,
 Вот Конфуция гробница,
 Как невеста, вся в цветах.
 Идеально поклоняюсь
 Мужу дивному сему,
 И всем сердцем восхищаюсь
 Жертвой умного уму.

Мимоходом возле бочки
 Заглянул я и в нее;
 Там прочел я две-три строчки:
 Чувством добрым дышит все.
 Чай лагун был незавидной
 Тот, в котором Диоген
 Нагишом блажил, бесстыдной,
 На позор своих времен.

Вон рыбачая слободка,
 Всякой ествой стол закрыт;
 То-то жадному находка, —
 Беспрестанно был бы сыт.
 Без чудес моляр все лица
 Разных рыб живописал:
 Так в Сидоне у вдовицы
 Водонос не убывал.

Среди неводов и мрежей
 Опрокинутый челнок
 Возвещает кистью свежей,
 Как зовут сей островок.
 Славься вечно, Ломоносов,
 Знаменитый рыболов!
 По витийству — слава Россов,
 А по лире — сын богов.

Сколь пленительна предметов
 Разнородна всюду смесь!
 Там затвор Анакоретов,
 Аполлон с Олимпом здесь;
 Тут сквозь новую рутину¹
 Воря* старая бежит
 Иль к поддельному овину
 Русской пахарь сноп тащит.

*Имя реки.

¹ В первой публикации здесь стоит *руину* (с. 81). В каком случае мы имеем дело с опечаткой, а в каком с "эмендацией", *этим* довольно сложно.

Но театр уже менялся,
 Декорация сошла,
 День на сцену снаряжался,
 Ночь, сыгравши роль, ушла;
 Кони Фебовы впряглись,
 Ждали свист природы в путь,
 А планеты уплелись
 За кулисы отдохнуть.

Между тем пора мне было,
 Кончив странствие мое,
 Пробираться в свое жило,
 Рассказать домашним все.
 Но за кем же, думал ныне,
 Столько миленьких затей? —
 Кто умел на десятине
 Снять экстракт вселенной всей?

На мои недоуменья
 Недалеко был ответ:
 Стул, которой для сиденья
 В дубе, жившем двести лет,
 Очень выдолблен прекрасно,
 Стоя на поле один,
 На письме казал всем ясно:
 Здесь помещик Лопухин*.

Наслаждайся, муж почтенный!
 Вечно куплею своей;
 Сад твой — прямо сад бесценный
 В полном смысле речи сей. —
 Пусть Цари ценою денег
 Могут в свете все стяжать,
 Но серебряных копеек**
 Где ж кому сто тысяч взять? —

* * *

* На пне этого дуба написано, что он рос 200 лет тому назад; из него вышел стул очень покойной. —

** Эта дача куплена была предками И. В. Лоп<ухина> за 1000 руб., кои заплачены серебряными копейками.

А. Ф. Воейков
< САВИНСКОЕ >
(Из "Описания русских садов")¹

...О муза! зрелищем роскошным утомлены,
В деревню поспешим под кров уединенный,
Туда, где Л<опухин> с природой жизнь ведет,
Древ сенью Савинских укрывшись от забот.

Не знаешь, в сад его вошед, чему дивиться,
Куда скорей спешить, над чем остановиться;
Сюда манит лесок, туда приятный луг,
Тут воды обошли роскошные вокруг,
Там Юнг и Фенелон, вдали кресты, кладбище,
Напоминают нам и вечное жилище,
И узы жизни сей умеют научать,
Не разрывая их, помалу ослаблять.

Здесь памятник Гюон, сея жены почтенной,
Христовой ратницы, святой и исступленной,
Которая сложа греховной плоти прах
До смерти, кажется, жила на небесах,
Которая славна и у врагов закона
Примерной жизнью и дружбой Фенелона.

¹ Печатается по первой публикации: Воейков <А. Ф.> Описание русских садов // ВЕ, 1813, № 7, с. 194.
Александр Федорович Воейков (1778-1839) – поэт, переводчик, литературный критик.

А. И. Ковальков

ЧУВСТВОВАНИЯ СЕРДЦА В ЛЮБЕЗНОМ УЕДИНЕНИИ¹

Под ветвями густых деревьев, при памятниках Фенелона, Гион, Бёма и Дютуа сердце чувствует отраду в тихом размышлении после бурного волнения по морю шумного мира сего и почит с воспоминанием о присутствии Творца всяческих. С сею сладостною мыслию охотно и легко забывает оно все опасности вредной для него стихии, то есть все мирские соблазны, кои ежеминутно готовы поглотить бедное сердце в свое смертоносное жерло, без особого сильного наития Десницы крепости и могущества.

В мирном уединении, там, где все представляет одну премудрость и любовь Единицы, сердце расширяется, снимает с себя узы страха — и как бы внутренним своим слухом преклоняется к вещанию всей твари о том, что есть вечная, беспредельная Любовь; не только на небеси, но присутствие Ее повсюду: всякое дыхание и вся тварь Ею исполнена как источником бытия и жизни.

Но что одно познание присутствия Любви, познание бытия Божия — в сравнении с внутренним сердечным ощущением движения сей Любви посредством живой Веры! Одно познание свойственно только тем Философам, кои не проникли ее движение по разлианию усыновляющего ее Духа.

Например, будучи у гроба Конфуция, поставленного в любезном Савинском селении, среди приятнейших садов, и в Лицеуме Сократовом*, невольно помыслишь о той блаженной премене, которую произвело вечное несотворенное Слово примирения, таинственный и кроткий Агнец Иисус; помыслишь, сколь познания были еще далеки от сердечного истинного познания внутреннего Христианства, в коем содержится вся цель и конец сотворения человеков.

Однако ж по справедливости нельзя оставить без уважения добродетели и сих почтенных Философов. Они постигли Бога и долг твари, и рассматривая натуру человеческую, нашли в ней скрытую цепь, соединяющую ее с ее началом и источником.

* В саду сельца Савинского есть остров Юнгов, на коем находятся вышеозначенные памятники; а в Китайском отделении того сада гроб Конфуция; Сократов же Лицеум в одной рощице большого острова.

¹ Печатается по: ДЮ, 1812, № 8, с. 29-37. Статья не подписана.

Тексту предшествует предисловие издателя, М. И. Невазорова, воспроизводящее рекомендательное письмо И. В. Лопухина: *Издатель получил статью свою при следующей записке: "Прошу Г-на Издателя поместить в свой Журнал сии прямо сердечные чувствования Юноши-Писателя, сочинившего известную книгу Плод сердца и после того еще несколько Сочинений важнейших. Всяк искренний любитель Истины конечно порадуетя таким Юношею, слава и благодаря Отца светов, от Него же всяк дар совершенств есть сходяй свыше." Я с великим удовольствием и благодарностию помещаю ее в Журнале своем.*

Александр Иванович Ковальков (1794-1852) — писатель, художник, племянник жены И. В. Лопухина.

О, естли бы они вкусили млека новья Благодати из чаши крестныя! Несомненно бы оставили умозрение и единственно прилепились бы всею глубиною сердец своих к созерцанию сладкому истин внутренних и к могуществу и неизъяснимому таинству движений Агнца Победителя во внутренней натуре, во всей простоте и смирении младенцев благодатных.

Умозрение принести может одно познание несовершенное; а сердечное созерцание, то есть хождение сердечными путями в присутствии Божиим, не только что даст совершенное познание истин, но и всю силу практики духовной жизни, которую Иисус родил из Божественных недр Креста Своего.

О, естли бы такие философы познали Крест, силу его, таинство, премудрость, любовь и его действие; отторгнули бы умствование и всякую самость, которая бы при величественном свете Креста внутреннего, Креста победы, явилась во всей своей гнусности, и при обнажении своем представила себя в жертву все소жжения как противность — недостаток в совершенной жизни Христианской!

* * *

Пора возвратиться к любезному покою, под густую тень, чтоб заняться внутренним обращением по совету и наставлению мудрых и рассматривать с сердечным умлением памятники сосудов новой Благодати.

И подлинно, смотря на них, нельзя не чувствовать той бесконечности Любви и Премудрости, кои явил Иисус в Своих сосудах избранных!

Не мирская слава, не величие, не блеск временного счастья побудили поставить памятники Фенелону, Гион, Бёму и Дютуа, но их младенческая кротость, их уничтожение, или нищета их духовная, по образу Иисуса кроткого и смиренного сердцем.

Не всех может трогать звук смертной славы; не всех тронет величие мира сего; но любящие сердца Господа возьмут себе в предмет памяти достойный — уничтожение и смирение внутреннее; всегда охотнее поставят памятник червю, в неизвестности ползущему во внутреннюю обитель, в недро обетованная земли — нежели хищному орлу, гордо парящему к солнцу пред лицом всего мира.

И я достойнее почитаю преклонить колена благоговения и обратить сердце к орудиям Божественного Гласа, учащим быть смиренными, униженными; показывающим путь в неизвестности — в сокровенности проводящий к достижению цепи Нового Союза, для коего человеки сотворены и призваны воздействием живого Слова — все без исключения.

Памятники оных великих в вечности душ, сих граждан небесного селения, кажущихся для буйства мира сего недостойными воспоминания, потому что они прямо его отвергают, презирают — и изглаждают силою Божественного влечения из сердец своих, столь возвышают тот благословенный Остров, на коем они сооружены, что всяк любящий Истину, внутреннее учение и духовное младенчество пойдет на него для того только, чтоб вздохнуть Любовию при подножии великих внутренних Учителей; чтоб прочесть несколько живоносных строк их творения и с присутствующим отеческим и матерним их духом погрузиться в стихию Любви вездеприсутствующего Иисуса.

Память их не исчезнет с мрамором; дух их не подвергнется времени, носящему забвение, но их слава вовек пребудет в соединении со Христом как с Наставником, Помощником и Творцем таких орудий; а Дух их будет вечно действовать в их писаниях во славу Исккупителя; будет, невзирая на буйство мира, печатлеть в сердцах закон Царствия Любви, будет влечь их в узел крестный цепи, возводящей в Храм вечного служения и принесения вечных жертв Истиною и Духом на Олтаре славы и блаженства всеприсутствующему и всезидущему Богу.

О, вы, орудия Агнца крестного! незабвенна слава ваша в сердцах, дышащих Любовию. Вы имеете в сердцах духом рожденных вами детей вечную жертву благодарности.

О! да придут сии дети на остров Юнгов, в сию сладчайшую обитель — да преклонят со мною выю души своей пред таинственными орудиями внутреннего Слова; да лобызают внутренним дыханием чистой глубочайшей любви их Дух, zde пребывающий; и да познают, что нищета духа, смирение, кротость и любовь суть выше всякого величия, *единое на потребу*; суть средства победить смерть и ад, чего Философы соединенными своими силами, при всем познании Бога, дать не могут, потому что их учение есть только добродетель начинающих, а не Любовь уже совершившихся на пути Креста Победы!!!

*В сельце Савинском,
на Юнговом острове,
20 Июля 1812 года.*

Д. И. Попов

ВОСПОМИНАНИЯ О ИВАНЕ ВЛАДИМИРОВИЧЕ ЛОПУХИНЕ¹

Я был еще очень молод и хорошо не помню, когда покойный отец мой возобновил старинное знакомство свое с Иваном Владимировичем Лопухиным, человеком, имевшим впоследствии большое влияние на юные мои лета. Помню только, что отец мой получил от него после возвращения из первого его путешествия в Крым эстамп, изображающий храм "Натуры и благодати", выгравированный в Лондоне с картины, сочиненной Иваном Владимировичем². Эстамп этот привез к нам по его поручению в подарок батюшке покойный Максим Иванович Невзоров³; но когда я увидел его самого в первый раз, не помню, хотя черты благородного лица его, величественная походка и пламенные большие глаза глубоко врезались в моем воспоминании с самой нежной юности.

Удивительно, что не могу привести себе на память первого моего с ним свидания, которое, конечно, должно было навсегда запечатлеться в воображении, как это и подлинно случалось с большою частию людей, его знавших; но я приписываю это обстоятельство ребяческим моим летам.

Как теперь вижу, как я бывал у него с отцом моим, и один с поздравлением в праздничные дни, видал его несколько раз у себя в доме и в доме общего нашего знакомого С. —

Расскажу некоторые случаи, почему-либо наиболее впечатлевшиеся с тех пор в моей памяти.

Один из них очень мне памятен, потому что я видел его вместе с другом его Васильем Васильевичем Чулковым⁴ у него в доме, слышал их дружеские разговоры, исполнялся к обоим⁵ каким-то неизъяснимым почтением. В другой раз видел их опять вместе у того же моего знакомого С., где был с ними же покойный доктор М. И. Багрянский⁶.

Но более всего сохранил я в памяти до малейших подробностей путешествие наше из Москвы в Савинское вместе с ним в одной карете. Нас было шестеро: Иван Владимирович, Максим Иванович Невзоров, А. Ф. Ладыженский⁷, В. И. Губарев⁸, батюшка и я. Невзоров и Губарев ехали в карете Ладыженского, а остальные четверо все вместе в одной карете самого хозяина.

День был прекрасный. Мы отправились из московского дома* Ивана Владимировича после раннего обеда. На половине дороги останавливались пить чай в крестьянской избе, а к вечеру достигли цели нашего путешествия. Позабыл сказать, что в обществе нашем был один молодой человек К.¹¹, архитектор и мой родственник, отличившийся особенным дарованием в своем деле.

В продолжение пути покойный Иван Владимирович рассказывал любопытное приключение ростовского митрополита А.¹² со всеми подробностями, с свойственною ему занимательностию и тем превосходством разговорного языка, которым он нечувствительно всегда увлекал своих слушателей.

Приехавши в вечеру в Савинское, тотчас отправились гулять по тамошнему прекрасному саду. Не могу передать впечатления, произведенного на меня прогулкой по саду сельца Савинского. Дух Ивана Владимировича разливался, так сказать, на все предметы и оживлял их жизнь, гармонизировавшею с тем внутренним чувством человека, которое так ощутительно влечет нас к доброму и заставляет стыдиться злого. Каждая самая простая надпись — была свидетельством жизни и творила свое дело, по крайней мере, для меня.

— Нравится ли вам сад мой? — спрашивал Ив<ан> Владимирович, и получив подтвердительный ответ, прибавил: "а мне он и потому нравится, что разводя его, я не имел ни одного случая рассердиться".

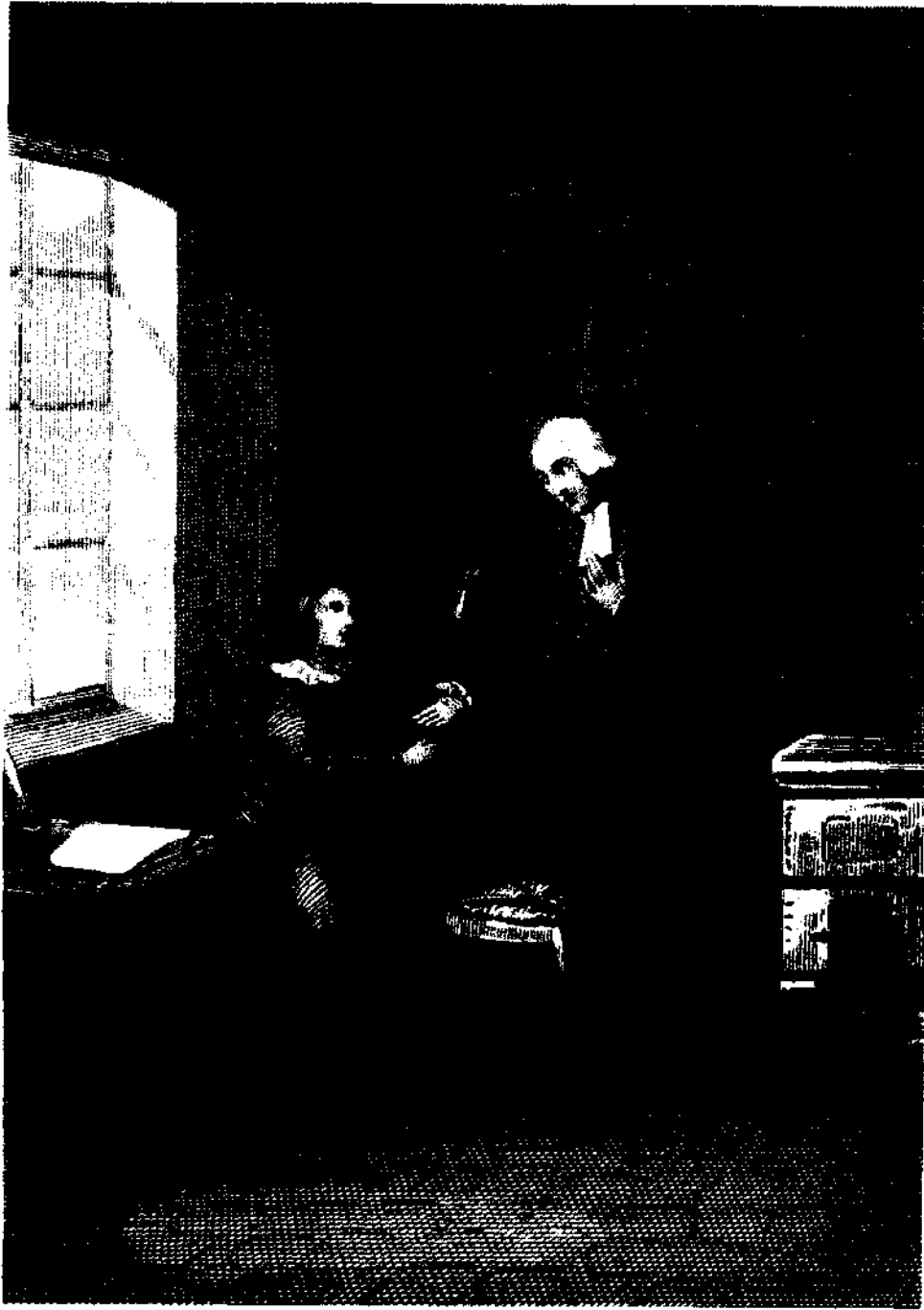
— Ну, любезный друг Иван Иванович, — говорил хозяин отцу моему, — я попотчую тебя отличным налимом, пойманным у меня в озере.

— Арт...! — сказал он шедшему за нами управителю, — прикажи вынуть из садка налима и приготовить к ужину!

Арт... отправился исполнять приказание; но возвратясь чрез несколько минут, сказал с некоторым смущением, что налимом прогрыз садок и ушел. "Так он ведь в озере?" — спросил Иван Владимирович простодушным образом. "В озере" — отвечал тот. "Пусть же его гуляет" — сказал он самым спокойным голосом и продолжал прогулку. Отойдя довольно от управителя, говорит улыбаясь отцу моему: "Видно и Арт...-то охотник до налимов".

Я с намерением рассказываю анекдоты домашней жизни сочинителя книги "О внутренней Церкви", долженствующие свидетельствовать о той кротости обращения с подвластными, до

* Стоящего⁹ близ Ивановского монастыря. В стенах этого дома после Московского пожара, помещена ныне Лютеранская Церковь.

"... Видал его несколько раз у себя в доме".

которой достиг он покорением пылкого темперамента своего законам духа, и кротость эта просиявала из всех поступков и домашней, и общественной его жизни, именно в нем имела свою цену: ибо немудрено быть кротким тому, кто от природы имеет миролюбивый нрав, или по врожденной боязни и лени, так сказать, отходит прочь от всякого неприятного случая; но не таков был Ив<ан> Владимирович.

На другой день, напившись чаю, отправились опять гулять по саду, по тем дорожкам, которых не обошли накануне. Не стану описывать красот и внутренних видов, встречающихся почти на каждом шагу Савинского сада, скажу только, что мысль владельца, им располагавшего, есть едва ли не единственная в своем роде. Он хотел устроить место для уединенных прогулок своих и отдохновения¹³ от заботливой жизни, так, чтобы непрерывно встречать предметы благочестивых чувствований, той высокой христианской мудрости, которая, проливая тихое наслаждение в душу созерцателя вечных своих истин, ничего не приносит в жертву ни суетности, ни тщеславию.

Таким образом, гуляющие находили на острове, посвященном Юнгу, памятники Фенелона, Гион, Дютуа, Кульмана, Эккартсгаузена, Тихона Воронежского, Краевича и других. Все они как бы окружали стоящую на возвышении пустыньку с находящимся в ней Крестом и портретом затворника, помнится, Досифея.

Вид на пустынь и расположение островка очаровательны. Напротив его находилась так называемая беседка Руссо с бюстом и с надписями, с одной стороны: *La plus sauvage solitude me parait préférable à la société des mechants*¹⁴; а с другой: *Celui-là est véritablement libre, qui n'a pas besoin de mettre le bras d'un autre au but des siens pour faire sa volonté*¹⁵. Надписи и беседка, посвященные Руссо, были, кажется, данию покойного Ивана Владимировича доброму сердцу заблужденного писателя, которого он любил в молодых годах своих и занимался чтением, а потом и опровержением его сочинений, в чем любопытные могут увериться, прочтя записки его жизни и в пьесе, напечатанной особою книжкою под названием: "Замечания на известную Руссову книгу: *Contrat social*."

Другие части сада были не менее занимательны: храм дружбы, посвященный памяти князя Н. В. Репнина, беседка Конфуция, остров Ломоносова, древнее сельское кладбище, Диогенова бочка и рыбацьи острова рождали в душе гуляющего какое-то спокойное благоговейное чувство к небесной добродетели и презрение к суете мира.

Надобно было гулять в Савинском саду вместе с Иваном Владимировичем, чтоб чувствовать цену приятной этой прогулки, надобно было оживляться, так сказать, духом почтенного хозяина, чтоб в полной мере ощущать преимущество гулять в его обществе. Как теперь помню, что ходя с ним, я слушал любопытные его анекдоты о великом преобразователе России, Петре 1-ом, сообщенные ему покойным отцом его и едва ли известные публике; по крайней мере, я нигде их не читывал. Нельзя было смотреть без чувства внутреннего благоговения, с каким добродушием и одушевлением рассказывал этот поборник правды о великом Государе России, с которым едва ли кто может сравниться из владык земных.

К обеду мы поехали в гости к соседу Ивана Владимировича, П. И. Демидову, находившемуся в это время также в подмосковной¹⁶. Там нашли блестящее московское общество и несколько артистов, до которых хозяин был охотник. К вечеру возвратились в Савинское. Остаток дня и утро следующего были проведены опять в прогулке по саду и окрестностям, после обеда возвратились в Москву.

Когда покойный отец мой, наскучив долговременною заботливою жизнью в столице,

переселился в деревню, я остался один (будучи обязан слушать профессорские лекции в Московском университете), семнадцати лет, в том возрасте, когда молодой человек ходит по краю пропасти, не обращая внимания на угрожающую ему опасность; в это время знакомство мое с Иваном Владимировичем было для меня истинным благодеянием, спасавшим бурную юность мою от гибели, ибо при всей необузданности мятежных страстей и вредоносных примерах моих сотоварищей, я боялся предаться порокам из стыда сделаться известным ему с дурной стороны.

По его собственному приглашению бывая у него довольно часто и видя всегдашнее ласковое, исполненное отличной доброты расположение, я каждым словом, каждым взглядом его дорожил гораздо более, нежели самыми приманчивыми удовольствиями молодых лет. К тому же видеть Ивана Владимировича, слышать его беседы и иногда изливание сердечных чувств было для меня всегда поучительно.

Например, я помню, что пришедши к нему однажды, нахожу его больным, лежащим в постели в маленьком нише¹⁷, отделенном от кабинета одною перегородкою, за которой была его спальня. В кабинете встретил меня М. И. Невзоров, говоря, что Иван Владимирович в сильном лихорадочном пароксизме; несмотря на это, больной тотчас узнал меня по голосу и начал расспрашивать, сказавши между прочим, что он несколько дней уже болен и думает, что если лихорадка усилится, то легко может и умереть. Потом как бы про себя сказал: "пусть будет, как угодно Богу, умереть надобно; но блаженны умирающие о Господе, вот в чем дело, мой любезный!" — прибавил он, назвав меня по имени.

Таким образом, живя в обширной столице, один на своей воле, всякой раз выносил <я> от Ивана Владимировича доброе семя, падавшее мне на сердце, которое, хотя и не приносило надлежащего плода, но по крайней мере хранилось неприкосновенно от вредоносного влияния буйных страстей моих и прозябало впоследствии, когда угодно было великому делателю повелеть ему — раскрыть таившуюся в нем силу.

Легко можно представить себе, как полезно для юношей знакомство с такими людьми, каков был Иван Владимирович, одаренными любовностию, благодушием и проникательностию, отличавшими покойного в столь высокой степени.

По моему мнению, отцы и наставники юношей должны всячески стараться вводить питомцев своих в круг таковых почтенных мужей, чтобы они собственными глазами видели примеры деятельности добродетели и христианской нравственности, отдавая преимущество практическому изучению пред всяким другим наставлением; а вместе с тем и сами бы старались быть ревностными их подражателями.

Когда я в 1811-м году написал в первый раз несколько стихотворений и по желанию издателя "Друга юношества" были они напечатаны в его журнале¹⁸, то получил от Ивана Владимировича в подарок книгу "О внутренней Церкви", с его портретом, с прекрасными виньетками на обертке и с собственноручною надписью следующего содержания: "Д. И. П-ву от автора, на память искренней любви и уважения к прекрасным его чувствам, в очень хороших стихах". Но еще более изъявил он внимательности к моей пьесе под названием "Путешествие", в том же году и в том же журнале напечатанной¹⁹, говоря, что он нарочно приедет навестить меня сам. И действительно приехал, но не застав меня дома и видя на столе моем чернила и бумагу, взял перо и написал: "Любезному сочинителю путешествия... и еще прекрасных стихов... кланяется и его изящные дарования чтит; а его батюшку, сердцем старинного и любезного его друга целует 25 июня 1811 года Лопухин".

Книжку и записку эту храню я как залог драгоценного для меня расположения почтенного мужа, быв весьма далек от мысли видеть в том какое-либо собственное преимущество, но считая особенным счастьем его благодетельное расположение к юным летам моим, не быв в состоянии ничем воздать ему благодарности, давно уже прешедшему за пределы этой временной жизни.

В июле 1812 года я уехал в деревню к батюшке, не думая нимало о последствиях, случившихся в том году в Москве.

Пришедши прощаться к Ивану Владимировичу, в последний раз получил от него обычные мне ласки, не полагая, что более его не увижу. Он пред самым вшествием французов уехал сначала в Юрьев-Польский, а потом в орловскую свою вотчину, в село Воскресенское, находящееся в Кромском уезде, где и прожил до самой смерти своей, последовавшей в 1816-м году 22-го июня.

В продолжение этого времени, в 1815 году, находясь по службе моей в Москве, по внутренним обстоятельствам я получил побуждение изложить на бумаге собственные мысли свои о некоторых предметах религии, составившие порядочную тетрадь, как мне казалось, не бесполезную для чтения молодых людей. Без сомнения, такое заключение не было следствием самоиспытания; как бы то ни было, я, привыкши почитать Ивана Владимировича своим благодетелем, переписал мою рукопись и отправил к нему при письме, изъяснив в нем, что прилагаемое сочинение написано мною вдруг, без всякого предварительного расположения, и что я не смею удержать его у себя. Иван Владимирович, получив мою посылку, в непродолжительном времени ответил мне следующим письмом:

21 августа 1815

С чувствительнейшею благодарностию получил я любезное письмо твое (не прогневайся, без чинов были и останемся), милый Друг мой, Дмитрий Иванович, с неописанным удовольствием читаю беседы, желая их напечатать как преползные — прекрасные. Слава в вышних Богу! Храни прилежно дар его, драгоценный друг. Храни усердием — любовью к нему и ближним, и воздержанием тела от повинности греху. Непостижимое милосердие Спасителя туне дарует тебе: единое на потребу.

— Ах, милый друг мой, храни прилежно дар сей, дражайший всех сокровищ мира! Беседы я инде — всего строчек на десяток, переправляю — и то больше для цензуры; однако и для правильности, как например, что Бог влил равносильную в человека склонность к добру и ЗЛУ. К ЗЛУ Бог не мог влить склонности: но свобода воли, о которой причине дарования Автор прекрасно говорит, преклонилась ко злу, уже существующему от падения духов. Для ректификации²⁰ нужной в понятиях послал я к тебе по последней тяжелой почте книжку "Пастырское послание"²¹, самую можно сказать, коренную, классическую. Еще послал в гостинец сочинение известного моего племянника Александра Ивановича²² и свое маленькое сочинение. Но первую точно с тем, чтоб взять ЗА РЕГУЛ в понятиях о сотворении человека, падении его, искуплении и пр., и пр. Единственная книга! Она пошла по тяжелой почте вчера из Орла. Прости, милый Друг, всем сердцем тебя обнимаю, будем Господни, не взирая вспять. До гроба верный друг и покорный слуга

И. Лопухин.

Батюшке своему препочтеннейшему и моему почтенному и искреннему другу напомни о моих чувствах, с которыми и умру конечно.

Таковые-то отношения к почтенному мужу были для меня, так сказать, спасительным

указанием того пути, по которому рано или поздно каждый из нас должен достигать предназначенной ему цели. Я знаю, что покойный Иван Владимирович одним одобрением поощрил многих к перемене своего образа жизни. Всякой, кто знал его, согласится со мною, что нельзя было противиться ласковому, любовному обращению, его готовности на всякую помощь, а с тем вместе силе слов и тому властительному убеждению, с которым он заставлял иногда покоряться себе имевших намерение вредить ему.

Многие говорили и до сих пор еще говорят невыгодно на счет долгов его, что некоторые будто бы потерпели значительные убытки и даже сильное разорение²³. Но если бы и подлинно так было, то можно ли обвинять его в непредвиденных обстоятельствах, завлекших дела его в самое затруднительное положение, о чем можно прочесть в "Записках" его, где он самым простодушным образом объясняет причину долгов, составившихся без всякого со стороны его умысла.

К тому же употребление значительных капиталов для пользы ближнего истребляет уже всякое сомнение на счет покушения на чуждое имение²⁴. По всей справедливости может быть обвиняем неоплатный должник тогда только, когда занятые с намерением деньги употребил он или на мотовство, или на свое обогащение, или, наконец, на какие-либо другие прихоти. Но можно ли обвинять в хитрых замыслах и попользовании на чужое того, кто разными способами расточал имение свое на пользу ближнего, исполняя тем заповедь Спасителя и отказывая себе в самых позволенных удовольствиях, довольствуясь лично самым ограниченным содержанием и образом жизни, судя по званию, занимаемому им в мире? К тому же кредиторы его верно с избытком получили капитальную сумму, не говоря уже о частных вознаграждениях многим из них, им самим лично деланных, потому что проданные половина при жизни его, а последние по смерти четыре тысячи душ вознаградили едва ли не вполне весь существенный капитал, им занятой, не включая в то число бессовестных процентов и начетов, приписанных к сумме долгов жадностию и корыстолюбием.

Философия учит нас, что только одни побуждения составляют истинную цену деяний человеческих, да и самое Св. Писание говорит, что Бог смотрит не на дела, а на сердце человеческое, — то можно ли подозревать в нечистоте побуждений человека, раздавшего бедным богатое наследие отцовское и рисковавшего, так сказать, под старость лет не иметь куска хлеба для собственного своего пропитания.

Легко может быть, что строгие ценители чужих поступков найдут в этом случае какие-нибудь общие всем человекам слабости; но кто изъят от них? и нам ли, бранным тварям — брать на себя суд ближнего, принадлежащий единому Богу?

Самый образ жизни, провождаемый покойным Иваном Владимировичем, был сильным подтверждением его сердечного желания помогать, или, лучше сказать, всячески служить ближнему. Не одними деньгами поспешал он на помощь страждущим, в обширнейшем смысле, но и примером, советами, личным ходатайством, наставлениями, книгами, беседами, покровительством наукам и, одним словом, всем, что только самое изобретательное человеколюбие придумать может.

Более всего страшился он подать собою пример соблазна ближнему. Я не мог отыскать у себя копии с письма его к М. И. Невзорову (почитавшему покойного Ивана Владимировича своим отцем), писанного им после брачной церемонии с М. Е.²⁵, совершенной во время бытности его в селе Воскресенском.

Там говорит он, будучи непрестанно болен и оставаясь часто с нею наедине по причине своих

припадков, устрасаясь дабы не податься тем соблазна, по слову Спасителя: "горе им же соблазн приходит"²⁶, решился с нею обвенчаться, прибавляя, что должен был это сделать, чтоб покрыть тем грех юности и неведения своего²⁷, хотя, по благодати Божией, живя с нею с тех пор в продолжение слишком 25-ти лет, он ни делом, ни мыслию мгновенной не жертвовал своему сластолюбию, наказывая тем столь великой проступок юных лет своих.

Как бы то ни было, но не всякой на его месте и в его звании согласится заглаживать таким образом падения юности, вопреки, так сказать, своему доброму имени и ославляя тем тайный проступок свой публично.

Но не одною добродетелью смиренного сознания своих слабостей украшался почтенный муж, о нравах которого я представляю только слабые начертания. Кому из знавших его не известно одно из отличительных свойств любви к человечеству, никогда и ни в каком случае не изменявшееся снисхождение к проступкам и слабостям ближнего. Никто из самых приближенных не слыхивал из уст покойного Ивана Владимировича на счет кого бы то ни было сказанного во вред чести или доброго имени, разве из чистосердечного и добродушного сожаления, да и то со всяким возможным извинением и в таком только случае, когда необходимость заставляла сказать *да* или *нет*.

Впрочем, как человек, познавший опытом цену добродетели, он был тверд в тех случаях, где надобно было свидетельствовать истину, и не страшился говорить ее прямо, между прочим и там, где мог бы и пострадать за нее. Кроме известных в этом отношении происшествий, описанных им самим в записках жизни и обстоятельств службы своей, я расскажу один <случай>; отличающий²⁸ твердость его характера.

Иван Владимирович был глубокий в душе почитатель Христианства, и так как сущность святейшей религии Иисуса Христа заключается, без всякого сомнения, во внутреннем поклонении духом и истиною, то и все писатели, говорящие о внутреннем поклонении духом и истиною, были любимыми его авторами, и в особенности писания Исаака Сирина и других отцев Греческой церкви, сочинения Г-жи Гион, Фенелона, Бема, неизвестного философа²⁹, и одним словом всех, кои не почитая наружных обрядов средством освящения, старались зиждить в себе самих храм Духа Святого, в котором едином только достоин поклоняться Отцу.

Будучи проникнут высокими писаниями таковых боговдохновенных мужей, Иван Владимирович издал книгу под заглавием "Некоторые черты о внутренней Церкви", в коей кратко изложил сущность учения христианского, имея в виду и другие еще побуждения, о коих он говорит в записках своих. Это сочинение впоследствии было переведено на французский и немецкий языки и принято в Германии и самом Париже с отличною похвалою любителями истинного просвещения.

Но в отечестве своем оно встретило сильное противодействие в тогдашнем духовном Пастыре древней столицы³⁰, который, невзирая на личные связи знакомства и даже обязательные со стороны Ив<ана> Владимировича к себе отношения, восстал всеми способами против упомянутой книги. Первое явное нападение состояло в том, что <он>

поручил одному из подчиненных своих написать книжку "О наружном богослужении"³¹, в которой доказывается польза и превосходство обрядов церковных и тому подобное. Не удовольствовавшись же тем, вдруг возгремел и сам с кафедры, хотя не прямо против книги "О внутренней Церкви", однако же нападая на все главные пункты учения, в ней содержащегося.

Странная вещь, что наибольшая часть духовенства нашего почти всегда были противниками единого истинного учения, люди, которым бы кажется долженствовало быть самыми ревностными его защитниками и проповедниками. Но вопреки всего они гонят не только такие понятия, но и стараются всеми мерами утеснять и препятствовать тем, которые к благу ближнего распространяют их и приводят в известность. Над ними точно сбываются слова Спасителя: "Сами не входят и входящих не впускают"³². Они не входят во внутренний храм для поклонения Отцу духом и истиною, или паче бегут от него и других туда не впускают.

Когда некоторые любители Христианства просили дозволения напечатать вновь писания св. Исаака Сирина, то Собор знатного духовенства воспротивился этому, говоря, что Исаак Сирин был "мартинист", а потому и сочинения его вредны³³.

Такое поносительное для них самих заключение, без сомнения, происходило от того, что в творениях св. отца заключаются те же самые понятия и то же учение, которое содержится и в писаниях Беама, Г-жи Гион, Фенелона, Сен-Мартена и прочих им подобных, и по духу своему противоречит явно и образу жизни и учению — таких пастырей.

Сказавши свою проповедь, упоминаемый знаменитый Прелат, желая более насытить свое честолюбие, при письме препроводил от себя к Ивану Владимировичу эту проповедь, намекая в нем, между прочим, что невзирая на телесные свои немощи, он не престаёт подвизаться³⁴ в исполнении правил воздержания.

Иван Владимирович отвечал ему следующим письмом³⁵:

Высокопреосвященнейший Владыко!

Как милостивый Архипастырь извините, что замедлил поблагодарить Ваше Высокопреосвященство³⁶ за почтенное письмо и за проповедь. Мне все худо можется: брожу много пешком, езжу для подкрепления здоровья прогуливаться, а притом и недосуг.

Смею ли критиковать Ваши сочинения! Но с откровенностью, известною во мне Вашему Высокопреосвященству³⁷ в столь коротком 20-летнем знакомстве, скажу: je ne trouve pas que ce sermon soit un de ces chefs d'oeuvres, qui ont fait votre renommée en Europe³⁸.

Впрочем, Ваше Высокопреосвященство, конечно, и не желали и нужным не считали ее выработывать. Это видно, например, из речей: "к чему сия внешность" и проч.: "я на сие ответственность не могу" и проч. Глубоким знаниям Вашего Высокопреосвященства в теологии, конечно, оное, т. е. "к чему-то", должно быть ясно открыто, а доказательства неоспоримо полезны для убеждения к вере³⁹ на спасение.

Как известной⁴⁰ Автор книги "О внутренней Церкви", не мог я не порадоваться подкреплению своих мыслей от такого мудрого Пастыря, как Ваше Высокопреосвященство. Сверх⁴¹ многого во многих прежних проповедях Ваших, в последней нахожу новое в словах "Внутреннее богослужение со внешним суть совокупны, конечно, одно другого превосходнее" и проч., и проч. А что одно внутреннее с отвержением наружного есть мечтание, и в таком смысле, как Вы говорить изволите, то сие весьма истинно; и никто противного сему не писал и не проповедывал, разве в сущем заблуждении. Не естественно также, говоря о внутренней Церкви на земле, предполагать (да и кто же предполагает) её иначе, как в человеках, следовательно, существах видимых,

в видимых градах или селах живущих по телу, а по духу, живущему в них и их водящему, принадлежащих к обителям небесным, к селениям райским: "Вем человека о Христе, — сказал Св. Апостол Павел, — ⁴²еще в теле, не вем⁴³, еще ли кроме тела, не вем", Бог вестъ: восхищена быша до третияго небесе. И вем человека — яко восхищен бысть в Рай", и пр., и пр. II Корин., гл. 12.

Но полно. Мне ли, только любителю слова..., самоучкою и граммате⁴⁴ потверже выучившемуся, писателю только от избытка сердца, по даруемой туне благодати Господней, преисполненного любовью к распространению Царства и Правды Его, распространяться о сем с Иерархом, которого и в школах искуснейшие дивятся прославляют!

Что касается до качества и количества пищи, то я очень знаю и видел, какую просвещение ваше определяет меру уважения к первому.

Воспользовавшись честью отвечать на почтеннейшее письмо Вашего Высокопреосвященства, поручаю себя благословению и молитвам Вашим, милостивый Архипастырь, пребывая с непремными чувствами высокопочитания и приверженности сердечной.

Вашего Высокопреосвященства <и проч>⁴⁵.

Вот еще один анекдот о незабвенном Иване Владимировиче.

В бытность свою в Москве, за несколько лет до вступления неприятеля, Иван Владимирович имел тяжёбный и весьма тяжёлый для него процесс с одною знатною дамою, возникший по случаю долгов его, в котором противная сторона, пользуясь всеми возможными средствами, насчитывала иск свой до невероятности, и чтоб подкрепить силу своих требований, то являлись в суд многие домашние счета Ивана Владимировича, неизвестно кем похищаемые из его дома и запутавшие дело до последней крайности.

Огорченный таким низким шпионством, Иван Владимирович призывает преданного ему камердинера и, объяснив всю неприятность последствий похищения, препоручает ему непременно отыскать виноватого. Через несколько дней камердинер является и объявляет, что главный виновник найден. И как же удивился Иван Владимирович, когда узнал, что этот человек, покусившийся быть врагом его спокойствия, был благодетельствованный им неоднократно, хотя несколько времени и потерянный из виду.

Приведя все это себе на память, Иван Владимирович сказал:

"Ну, Петруша, сколько мы виноваты! Мы ведь давно об нем забыли, а он, верно нуждаясь, пустился на такое дурное дело. Но чтоб поправить ошибку, ты непременно приведи его ко мне; я до тех пор не могу быть спокоен".

Петр отправился отыскивать виноватого, отыскал, стал упрашивать идти с ним, — разумеется, тот нейдет; — наконец, по сильным просьбам, приводит. — Увидав своего врага, Иван Владимирович обнял его, и стал просить у него Христа ради прощения, что он по забвению так долго не помогал ему и довел его до столь противного совести поступка. — Виноватый бросился в ноги, просил прощения, а Иван Владимирович, расплакавшись, поднял его, обнимал и целовал как друга, наделил деньгами и отпустил домой. Все это было наедине и рассказано потом его камердинером.

Матф. V, 44-45.

Закрываю воспоминания мои исчислением сочинений Ивана Владимировича⁴⁶.

1. Записки некоторых обстоятельств жизни и службы Действ. Тайн. Советника Сенатора Ивана Владимировича Лопухина в 2-х частях.

2. Некоторые черты о внутренней Церкви, о едином пути истины и о различных путях заблуждения и гибели, с присовокуплением краткого изображения качеств и должностей истинного Христианина. Писано в 1789.

3. О ЗНАОСЗОФОС, искатель Премудрости, или духовный рыцарь.

4. Отрывки сочинения одного старинного судьи и его же Замечания на известную книгу Руссову: Contrat social.

5. Нечто для размышления о молитве и сущности Христианства.

6. Излияния сердца, чтущего благость единоначалия и ужасающегося, взирая на пагубные плоды мечтания равенства. Книжка сия содержит три пьесы:

I) Изображение мечты равенства и буйной свободы с пагубными их плодами;

II) Рассуждение о злоупотреблениях разума некоторыми новыми писателями;

III) Благость и преимущество единоначалия.

7. Описание нескольких картин и списков с некоторых отрывков, находящихся в магазине древнего смотрения, на внутренние причины действий и слепоту развращенных французов.

8. Торжество Правосудия, или добрый Судья. Драмма в пяти действиях.

Кроме исчисленных особонапечатанных сочинений, некоторые были помещены в "Друге юношества", которые, сколько мне известно, суть следующие:

1. Несть Пророка в отечестве своем.

2. Примеры истинного Геройства, или князь Репнин и Фенелон в своих собственных чертах; и

3. Орлиная пустынь.

Сверх того, есть очень хороший перевод известного сочинения Г-жи Гион "Le moyen court de faire l'oraison" и той же сочинительницы разные статьи, собранные и помещенные в одной книжке под названием: "Отрывки для чтения верующим".

Из сочинений Эккартсгаузена перевел он также небольшую книжку под заглавием "Вера во Иисуса".

Еще есть с немецкого переведенная ж им книжка:

"Краткое руководство к высочайшему благу".

В "Друге юношества" помещены также некоторые пьесы трудов его перевода, как-то:

1. Письма о том, сколь нужно помнить о присутствии всевидящего и вездесущего Бога.

2. Правила Кратчайшего пути к блаженству.

3. Отрывки из старинной Немецкой книги: "О познании самого себя".

4. Отрывки из сочинений Князя Репнина, писанные на французском языке.

5. Простосердечное рассуждение о существеннейшем подвиге Христианской жизни.

6. Разговор двух матросов после бури.

Примечания

1. Печатаются впервые по рукописи из собрания Д. И. Попова (ОР РГБ, ф. 237, № 38, лл. 111-142), переплетенной в виде книжки в 8°, 180 л., с тиснением названия на корешке. Общий титульный лист: "Материалы/ для/ жизнеописания/ пяти благородных мужей/ в России/ из разных достоверных источников/ собранные/ в Москве/ 1840" (л. 1). Писарская копия. Союзы и предлоги с последующими словами часто пишутся слитно, есть ряд характерных ошибок: напр., после подчисток слово "ректификации" передано как "рекопификации" (л. 125 об.).

Включенное в текст письмо И. В. Лопухина митрополиту Платону (л. 135-137 об.) сверено с копией этого письма, хранящейся также в собрании Д. И. Попова (ф. 237, № 68.20, л. 1-2 об.).

При передаче текста сохранены некоторые фонетически и экспрессивно значимые особенности правописания.

Дмитрий Иванович Попов (1793-1863) — симбирский помещик, собиратель материалов по истории русского масонства; был близок к А. Ф. Лабзину и кн. А. Н. Голицыну.

2. Как сообщает Лопухин в своих "Записках", эта гравюра впервые была напечатана "в заглавии" парижского издания его книги "Некоторые черты о внутренней Церкви" (1801) с пояснениями автора; затем она вышла в свет отдельным изданием большого формата в Москве, с пояснениями на русском языке, и, наконец, "наилучшим образом выгравирована в Лондоне", вновь с французским текстом (*Записки*, с. 38-39). Форматом в 8° она открывает в качестве одного из фронтисписов русское издание "Некоторых черт..." — СПб., 1801.

3. М. И. Невзоров (1763-1827) — поэт, писатель, розенкрейцер; издатель журнала "Друг юношества" (1807-1815).

4. В. В. Чулков (1743/4-18??) — один из учредителей Типографической компании, розенкрейцер, статский советник. Перевел "Творения Фенелона" (Т. 1-2, М.: тип. А. Решетникова, 1799). — *Св. каталог. Дополнения*. М., 1975, с. 124, № 7716.

5. В рукописи: обeim.

6. Михаил Иванович Багрянский (1762/3-1813) — ученый секретарь Московской медико-хирургической академии, розенкрейцер. Добровольно разделил с Н. И. Новиковым заточение в Шлиссельбургской крепости (1792-1796).

7. Алексей Федорович Ладыженский (†1817) — один из учредителей Типографической компании, розенкрейцер, сосед Н. И. Новикова по Авдотьюну.

8. В. И. Губарев, вероятно, происходил из пензенских дворян. Его отец (?) И. В. Губарев, значится в документе 1769 г. как "депутат Инсарского дворянства" (*Сочинения Державина*. Т. 9. СПб., 1883, с. 26).

9. В рукописи: Состоявшюю.

10. Лютеранская церковь на месте дома И. В. Лопухина находится в Старосадском пер., во дворе между домами № 7 и 9.

11. В начале XIX в. молодым талантливым архитектором был уроженец Арзамаса Михаил Петрович Коринфский (1788-1851), но вопрос его родственных связей с Поповым требует специальных изысканий.

12. Имеется в виду митрополит Арсений (Мацеевич, 1697-1772). В своем орловском имени Лопухин воздвиг ему памятник "в розенкрейцерском духе" и посвятил ему статью "Орлиная пустынь" (*ДЮ*, 1814, № 3, с. 20-38; № 8, с. 113-128). — *Булич*, с. 342.

13. В рукописи: отдохновение.
14. Самое дикое одиночество мне кажется предпочтительнее скверного общества (фр.).
15. Истинно свободен тот, кто не имеет нужды использовать руку другого для помощи своей, чтобы осуществить свое желание (фр.).
16. Возможно, имеется в виду сын Ивана Васильевича Демидова (†1799), генерал-поручика при Екатерине II. О какой усадьбе идет здесь речь, сказать трудно. В Ростокино на Яузе была усадьба Леоново, которой в 1767 г. владел П. Е. Демидов.
17. По-французски *pi che* женского рода, но русское языковое сознание XIX в. по отношению к этому заимствованию колебалось: Словарь Даля отмечает обе формы — м. р. и ж. р.
18. В 1811 г. в ДЮ Попов напечатал следующие стихотворения: "Спокойствие", "К дружбе", "К младенцу", "Совет умирающего отца детям" (№ 1, с. 87-91); "Ночь на кладбище. Элегия (Подражание Грею)" (№ 2, с. 88-92); "Песнь осиротевшей матери", "К другу — М. С.—М." (№ 5, с. 46-51); "Спокойствие" с посвящением И. В. Лопухину "как усерднейший дар сердечных чувствований благодарности и высокопочитания" (№ 11, с. 1-16).
- Помимо них, в том же году им были напечатаны переводы с французского (в прозе): "Мысли китайцев" (№ 1, с. 91-93), "О верховных божествах Древнего Египта" (№ 4, с. 111-125), "Вечность (из Галлера)" (№ 8, с. 14-24), "О первобытных британцах" (№ 11, с. 58-87).
19. "Путешествие (Аллегорическая повесть)" (№ 5, с. 24-41). В дальнейшем Попов продолжал активно сотрудничать в журнале. Так, в 1813 г. он напечатал в нем рассказ "Сон", связав его фабулу с днем своего двадцатилетия (1813, № 5, с. 82-95), и стихотворение "Натура" с посвящением И. В. Лопухину (№ 5, с. 77-79).
20. В рукописи: рекопификации.
21. Графа Х.-А. Гаугвица (1752-1832). Булич (с. 345) указывает на издание русского перевода (СПб., 1806), мне не встречавшееся. Немецкий оригинал, по мнению Н. С. Тихонравова (автограф на экземпляре книги в РГБ), был напечатан в типографии Н. И. Новикова: *Hirten Brief/ an die/ wahren und aechten/ Freymaeurer/ alten/ Systems. S. l., 5786 <1786>*.
22. Ковалькова ("Плод сердца, полюбившего истину..." М., 1811).
23. М. М. Сперанский, в частности, в 1805 г. письменно укорял Лопухина в недостатке смирения и сообщал, что дело с Тургеневым "решено *единогласно всем светом*" против него (РА, 1870, стлб. 626).
24. Как один из многих примеров благотворительности И. В. Лопухина можно привести пожертвование им крупной суммы денег на формирование библиотеки Вифанской духовной семинарии. — См.: Рапорт ректора архим. Гедеона и префекта иером. Евгения митрополиту Платону о пожертвовании И. В. Лопухиным 100 руб. на приобретение книг. — ОР РГБ, ф. 762, Вифанской духовной семинарии, карт. 1, д. 7, л. 19.
25. Матрeной Ефимовной Никитиной.
26. Мф., 18, 7.
27. Аллюзия на Пс. 24, 7.
28. Прочтение трех букв — *тли* — предположительное.
29. Сен-Мартена (1743-1803).
30. Митрополите Платоне (Левшине; 1737-1832).

31. По-видимому, Попов имеет в виду книгу: "О внешнем Богослужении и наружных действиях человека Христианина. Сочинение Московской Единоверческой церкви священника Ивана Полубенского". 3 части. М., 1803, 8°. Как сообщает Сопиков, "автором книги у Смирдина (№ 255), Плавильщикова (№ 1309) и в Каталоге библ. Трошинского назван Иван Петров, который именовался Полубенским. Впоследствии была запрещена и не дозволена к перепечатанию". — Сопиков В. С. Опыт российской библиографии. Редакция, примечания, дополнения и указатель В. Н. Рогожина. Ч. III. СПб., 1904, с. 253 (№ 6925). Привлечение к полемике именно единоверческого священника, представителя обрядового законничества, едва только легализовавшегося после долгих гонений, весьма показательно...

32. Лк. 11, 52.

33. Об этой истории см.: Яцимирский А. <И.>. Несколько моментов из истории русского религиозного мистицизма в XIX в. // Странник, 1906, №№ 5 и 6.

34. В рукописи: подвизается.

35. Текст письма Лопухина приводится по копии его, хранящейся в архиве Д. И. Попова (ОР РГБ, ф. 237, д. 68.20, л. 1-2 об.) и послужившей источником для "Воспоминаний". Она более исправна и сохраняет отдельные особенности правописания Лопухина. Существенные и характерные разночтения оговорены в примечаниях.

36. В рукописи "Воспоминаний": Преосвященство.

37. В рукописи "Воспоминаний": Преосвященству.

38. Вписано другой рукой и чернилами. Перевод: "я не нахожу, чтобы эта проповедь была одним из тех шедевров, которые составили Вашу славу в Европе" (фр.).

39. В рукописи "Воспоминаний": в вере.

40. В рукописи "Воспоминаний": известный.

41. В рукописи "Воспоминаний": сверх.

42 — 43. В рукописи "Воспоминаний" эти слова пропущены.

44. В рукописи "Воспоминаний": грамоте.

45. Внизу л. 2 приписка: *Копия с письма Ивана Владимировича Лопухина к Московскому митрополиту Платону.*

46. Публикация нижеследующего перечня преследует только цель сохранения археографической полноты документа. Полной библиографии оригинальных и переводных трудов И. В. Лопухина до сих пор нет. Основные сведения о них дают энциклопедические статьи Н. Д. Кочетковой (Словарь русских писателей XVIII века. Вып. 2. СПб.: Наука, 1999, с. 229-235) и В. И. Мильдона (Русские писатели. 1800-1917. Библиографический словарь. Т. 3. М.: Большая Российская Энциклопедия, 1994, с. 392-393).

ИЛЛЮСТРАЦИИ

Не претендуя на строгую документальность, иллюстрации к настоящей книжке призваны способствовать воссозданию эмоциональной атмосферы Савинского и его культурно-исторического контекста через тематически близкие эстампы, литографии, книжные титулы и заставки XVIII – первой трети XIX вв. Гравюры и другие издания того времени были мне в основном предоставлены знакомым читателю по первой главе *русским путешественником*.

В отдельных случаях очень помогли фонды Библиотеки Московской духовной академии, работать с которыми было особенно удобно благодаря участливому вниманию ее заведующего игумена Всеволода (Варющенко).

Нижеследующие пояснения даны к иллюстрациям, которые несут не только орнаментальную нагрузку или представляют самостоятельный художественный интерес.

Фронтиспис. Офорт неизвестного художника XVIII в.

С. 7. Титульный лист первого издания "Писем" Ментенон.

С. 8. "Танец на природе". Офорт П. Хальма по картине Н. Ланкре.

С. 12. Сцена масонского ритуала I. Русская гравюра начала XIX в.

С. 13. Сцена масонского ритуала II. Русская гравюра начала XIX в.

С. 14. А. Г. Франке. Немецкая литография XIX в.

С. 15. "...Рассказывали, что мы беседуем с духами". Гравюра Шарпа, 1788.

С. 18. Арсений Мацеевич. Гравюра А. Осипова с портрета работы А. И. Ковалькова, находившегося в Савинском.

С. 21. Титульный лист французского перевода книги И. В. Лопухина "Некоторые черты о внутренней Церкви".

С. 22. Фенелон. Фронтиспис к книге "Избранные духовные творения Фенелона,

архиепископа Камбрейского". Т. 1. М., 1820.

С. 23. И. В. Лопухин. Фронтиспис к книге "Некоторые черты о внутренней Церкви". По гравюре А. Осипова. СПб., 1801.

С. 32. Титульный лист Библии с комментариями мадам Гойон. 1790.

С. 33. Титульный лист "Божественной философии" Дютуа-Мамбрини. 1793.

С. 39. Фронтиспис и титульный лист французского перевода книги К. Эккартсгаузена "Бог есть любовь чистейшая".

С. 45. "Сцена из "Элегии" Грея". Гравюра А. Пейна по рисунку Дж. Арчера. Первая треть XIX в.

С. 49. Князь Н. В. Репнин. Русская гравюра XIX в.

С. 50. "Храм Дружбы". Рисунок с фотографии начала XX в.

С. 56. Фронтиспис и титульный лист первого издания книги Ж.-Ж. Руссо
"Рассуждение о происхождении и причинах неравенства среди людей".

С. 59. Е. А. Боратынский. Гравюра Е. Скотникова. 1835.

С. 60. Титульный лист русского перевода книги Сен-Мартена.

С. 75. "...Видал его несколько раз у себя в доме". Французская гравюра первой трети XIX в.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- Булич* – Булич Н. Н. Очерки по истории русской литературы и просвещения с начала XIX века. 2-е изд. СПб., 1912.
- Вернадский* – Вернадский Г. В. Русское масонство в царствование Екатерины II. Пг., 1917.
- ВЕ* – Вестник Европы.
- Воейков** – Воейков А. Ф. Воспоминания о селе Савинском и о добродетельном его хозяине // Новости литературы. 1825, май, с. 65-90.
- Греч* – Греч А. Н. Венок усадьбам (1932). М., 1994 (Памятники Отечества. Вып. 32).
- Долгорукий** – Долгорукий И. М. Прогулка в Савинском. – В Приложении к настоящему изданию.
- ДЮ* – Друг юношества.
- ЖМНП* – Журнал Министерства Народного Просвещения.
- Записки* – Лопухин И. В. Записки сенатора И. В. Лопухина. Лондон, 1859. Репринтное воспроизведение: М.: Наука, 1990.
- Ковальков** – Ковальков А. И. Мирное отдохновение в садах сельца Савинского во время нашествия врагов, или восхищение Юноши-Юнга Русского при блеске дня невечернего. Прозо-поэтическое творение // *ДЮ*, 1813, № 2, с. 1-126.
- Лонгинов* – Лонгинов М. Н. Новиков и московские мартинисты. М., 1867.
- Лубяновский* – Лубяновский Ф. П. Воспоминания. 1777-1834. М., 1872.
- ОР РГБ* – Отдел рукописей Российской государственной библиотеки.
- Попов** – Попов Д. И. Воспоминания о Иване Владимировиче Лопухине. Публикация в Приложении к настоящему изданию.
- РА* – Русский Архив.
- Св. каталог* – Сводный каталог русской книги гражданской печати XVIII века. 1725-1800. Т. 1-5. М., 1962-1967.
- Флоровский* – Флоровский Г. В., протоиерей. Пути русского богословия. Париж, 1937.

* Отсылкой к данному сочинению служит выделение курсивом имени автора непосредственно в тексте книги.

СОДЕРЖАНИЕ

Версаль и Савинское: Сен-Мартен и князь Репнин	7
Монашество, масонство и пиетизм	10
Мартинисты — предки славянофилов	16
И. В. Лопухин и богословие "внутренней Церкви"	20
Савинское — пантеон пиетизма	26
Местоположение и общий вид усадьбы	26
Юнгов остров	28
Памятник Я. Бёме	30
Урна Фенелона. Барельефы мадам Гюйон и Дютуа-Мамбрини	31
Пустынька	35
Грот. Памятники Тихону Задонскому и Н. А. Краевичу	36
Памятник Эккартсгаузену	38
"Мертвая голова" — памятник В. А. Лопухину?	40
Памятник К. Кульману	41
Большой остров	43
Церковный камень. Сельское кладбище	44
Березовая роща. Лицеум Сократа	46
Бочка Диогена	47
Статуи греческих богов	48
Храм Дружбы — памятник князю Н. В. Репнину	49
Рыбачья слободка. Остров Ломоносова	52
Руина	54
Хижина Руссо	55

"Китайский цветник". Гробница Конфуция	57
Мураново и Савинское: Боратынский и Сен-Мартен	59
Приложение	63
И. М. Долгорукий. Прогулка в Савинском	65
А. Ф. Воейков. <Савинское> (Из "Описания русских садов")	69
А. И. Ковальков. Чувствования сердца в любезном уединении	70
Д. И. Попов. Воспоминания о Иване Владимировиче Лопухине	73
Иллюстрации	87
Список сокращений	89

CONTENTS

Versailles and Savinskoe: Saint-Martin and Prince Repnin	7
Monasticism, Masonry and Pietism	10
Martinists – Ancestors of Slavophiles	16
I. V. Lopouchin and the Theology of 'Inner Church'	20
Savinskoe – Panteon of Pietism	26
Location and General View of the Park	26
The Island of Young	28
Monument to Boehme	30
Urn of Fenelon. Bas-reliefs of Madam Guyon and Dutoit-Membrini	31
Hermitage	35
Grotto. Monuments to Tikhon of Zadonsk and N. A. Kraevich	36
Monument to Eckartshausen	38
'Death's Head' – The Monument to V. A. Lopouchin?	40
Monument to Q. Kuhlman	41
The Great Island	43
Church Stone. Country Church-Yard	44
Birch Grove. Lyceum of Socrates	46
Barrel of Diogenes	47
Statues of Greek Gods	48
Temple of Friendship – The Memorial to Prince Repnin	49
The Fishing Village. The Island of Lomonosov	52
A Ruin	54
Hut of Rousseau	55

"Chinese Flower Garden". Tomb of Confucius	57
Muranovo and Savinskoe: Boratynsky and Saint-Martin	59
Addenda	63
I. M. Dolgorouky. A Walk to Savinskoe	65
A. Th. Voeikov. <Savinskoe> (from "A Description of Russian Gardens")	69
A. I. Koval'kov. Feelings of Heart in Amiable Solitude	70
D. I. Popov. Memoirs of Ivan Vladimirovich Lopouchin	73
Illustrations	87
List of Abbreviations	89

УДК 21
ББК 86.372

Гаврюшин Н. К.

Г 12 Юнгов остров. Религиозно-исторический этюд. — М.: Лого-Н, 2001. 94 с.: ил.

Научно-художественная реконструкция уникального "пантеона пиеизма", который создал в своем подмосковном имении Савинское известный русский мистик розенкрейцер И. В. Лопухин (1756-1816), включается в широкую перспективу отношений монашества и масонства и ориентирует в репертуаре чтения "внутренней Церкви" начала XIX в. В Приложении впервые публикуются "Воспоминания о Иване Владимировиче Лопухине", написанные Д. И. Поповым.

ISBN 5-901647-01-7

Гаврюшин Николай Константинович

ЮНГОВ ОСТРОВ

Компьютерная верстка В.О. Лысенко

ЛР № 065698 от 25.02.98.

Подписано в печать 25.05.2001. Формат 60х90 1/8.

Печать офсетная. Бумага офсетная. Печ. л. 12,0.

Уч.-изд. л. 13,5.

Тираж 1 500 экз. Заказ № 2775

Издательство "ЛОГО-Н"

Москва, ул. Байкальская, д. 5/7, стр. 1.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в типографии ОАО "Внешторгиздат". Москва, ул. Илимская, д. 7.